

СУХИЕ БЕССМЕРТНИКИ

О. ДЖУРКО

БОЕВИК

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

MARINA
DINEVI

Олег Джурко

Сухие бессмертники. Боевик

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Джурко О.

Сухие бессмертники. Боевик / О. Джурко — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

Старая дева, математик, Полина Каравайникова, изнасилована сексуальным маньяком. Пережитое склоняло к самоубийству. Отчаяние сомнений и надежд, мстительное жестокосердие и душевное прозрение - все было. Духовная стойкость, человечность в итоге помогли отразить удар судьбы. Несчастье подвигло выстроить наново свою жизненную стезю, что привело к более глубокому пониманию взаимосвязей уединенной частной жизни интеллигентной женщины и окружающего мира, обреченного на бесконечную, бесперспективную, кровавую войну иллюзий Добра и конкретного Зла. Фото и оформление обложки автора О. Джурко. Содержит нецензурную брань.

– Фаддей Капитонович, ради бога... Вы же экстрасенс... Убийца негодяя может рассчитывать на помощь экстрасенса?

– Как это?..

– Так вышло... Жить не хочется...

Полина Каравайникова, иронично посмеиваясь, выдавила из себя выстраданную за три недели фразу, сжалась в комок, потрясенная собственной решимостью.

– Минуточку, минуточку, уважаемая, а я тут причем? – всполошился экстрасенс. Бедняга с перепугу не узнал раскисший голос звонившей женщины.

" Вот они, "старые друзья." – Полина осторожно положила трубку телефона и сдавленно всхлипнула. Она представляла в какое смятение повергнет мастера Белой Магии. И не ошиблась.

Да что это такое! В конце-то концов! Люди мы или нелюди!? Даже исповедаться не перед кем. Ну, нет больше сил носить в себе столько ненависти. Душа извелась, исстрадалась, чистюля, вконец. И только Высшая Справедливость, обещанная людям Небесами могла успокоить ее. Душа свято верила в библейские тексты: мне отмщение и аз воздам. Как же! В Библии черным по белому обещана неминуемая кара негодяям. Но Небеса не расторопны. Небеса не спешат исполнить обещанное и зримо покарать негодяя. Господь наш, Высший Судья человеческих пороков рассуждает в категориях вечности. Он не спешит, расследуя вину какого-то смертного паразита, их тьма, а он один и приговор Его должен быть образцом Высшей Справедливости. Да уж, Метафизическая Справедливость Небес может молчать и месяц, и год, и десять лет пока обрушит на голову негодяя заслуженное возмездие... Не хватит сил дожидаться этой Справедливости. Не выдержит душа.

Три недели Каравайникова балансировала на грани выбора: проглотить обиду, забыть оскорбление или набраться решимости, самой отомстить обидчику? Три недели Полина не находила себе места от преследующего ее стыда, особо жгучего "женского" стыда. Она извелась настолько, что, казалось, глаза всего мира повернулись в ее сторону, и неотступно, сопровождают каждый ее шаг. Днем и ночью. Наяву и во сне. А она бежит, бежит от преследования... Шарахается по углам... И каждый взгляд, таит в себе осуждение, укор, перерастающий в презрение. словно, она вывалилась в грязь и от нее дурно пахло.

Идиотизм, но и сама она начинала презирать себя, себя оскверненную, почерневшую от горя, ни в чем не виноватую. Особенно невыносимо было смотреть в глаза алчно заинтригованным коллегам по институту. И все потому, что, кроме печати нового горя, она несла на себе старое клеймо необычности.

К ней, старой деве, "Невесте Бога", как подшучивали тайком интеллигентные институтские дамы, приглядывались с особой требовательностью. Они были Голосом и Коллективным Разумом институтского муравейника. И понять их можно было. Они неустанно трудились, создавая препротивнейший фантом – Общественное Мнение. А она, какая-то там Каравайникова нарушила Основной неписаный закон жизни женской половины человечества, уклонилась от рутины обычной Женской Доли. Не стала ни матерью, ни женой. Даже любовника "для здоровья" не завела. По мнению женщин она неизбежно должна была "плохо кончить".

Да, у нее не было в родном Муравейнике даже обычной подруги-наперсницы, кому можно излить любое горе. Дружила, правда, Каравайникова со своей бывшей сотрудницей Надеждой Валерьяновной Павелецкой, нынешней директорской машинисткой. Они подолгу шептались в кабинете у Каравайниковой, но разве у Надежды Валерьяновны вытянешь хоть слово. Для нее Каравайникова – заступница. В ее вдовьей жизни обожаемая Полина Георгиевна единственный свет в окошке. Надежда Валерьяновна чуть не молится на свою бывшую покровительницу, разве она предаст свою подругу. Да и едва ли Каравайникова поверяет ста-

рухе Павелецкой свои сердечные тайны. Слишком большая разница в возрасте, да и гордость в Каравайниковой та еще, не подступишься.

Понятно, не имея интимной информации через подругу-наперсницу дамы вынуждены были домысливать подробности интимной жизни вековухи. О! Тут нужен газ, да глаз! На лице невозмутимость, а в душе!.. Конечно же в душе "невесты бога" царил мрак и тоска, иначе не была бы такая красивая баба такой скрытной, такой неприступной для женского участия..

О! Многоопытные матроны видели насквозь свою "Железную Невесту", "Вечную Невесту", свою "Железную Леди". Господи, как только не называли они Каравайникову. Гордячка! Привереда! Чего стоит одна ее бескомпромиссная честность. Даже в мелочах эта зануда Полина Георгиевна выпячивала свою порядочность. Вызывающая порядочность.

Понятно, интеллигентные дамы жалели свою "непутную девушку". Кандидат наук Полина Георгиевна Каравайникова была, при всех своих научных достижениях, – "несчастной" и, по большому счету, беззащитной нескладехой. Естественно, это давало право небольшому ученому коллективу института на особое покровительство "вечной девственнице". Жалели Полину, жалели, как водится, по-бабски. Матерь Божия! Как же дотошно присматривали за нею. Ну, как за сиротой. Строптивой, жесткой, но безобидной, по сути, сироткой. Не жалеет себя, ох, не жалеет себя бобылка. Через чур образованная, видать...

Нет, духи она обожает, у нее парфюмерия самая лучшая, тут ничего не скажешь. А если не поленился, на праздники Полина Георгиевна и макияж себе сотворит высшего качества. Да! Это у нее есть! Вкус на высоте! И прическа у нее самая модная, от собственного мастера высшей художественной категории с какой-то киностудии, но... Ничего не спасает, все равно от вековухи пахнет книжками, а не здоровой, нормальной женщиной.

Пробовали, не раз пробовали сердобольные дамы обучить женским манерам, секретам специфического обращения с лопушистыми особами мужского пола. Особы эти хоть и грубы, слишком запашисты, но без этих жеребцов – одни бабские болезни... Не жалеет себя Каравайникова, ох, не жалеет.

Дамы были слишком заинтригованы, чтобы пропустить хотя бы малейшую перемену в "серой" (нет, это уморительная глупость!), "серой" одинокой жизни вековухи, а тут, казалось, небеса на нее обрушились... "Девушка" поникла. Почернела вся, на руках и лице, неумело скрытые косметикой, какие-то подозрительные темные пятна.

Вот уже три недели от бедняжки прямо-таки веяло беспросветным отчаянием. От "деланной" невозмутимости и следа не осталось. Тенью пресмыкаясь по институтскому коридору, Каравайникова затравленно озиралась. Дамскую курилку на лестничной площадке между вторым и третьим этажом обходила теперь по запасной лестнице, заваленной ломаной мебелью. Едва успев поздороваться, воровато скрывалась за дверью своего убогого кабинетика и, в гордом одиночестве, стойчески "зализывала раны", никому не известные раны. И, по-прежнему, – ни гу-гу! Ну ни единым словом не обмолвилась "несчастливая" за три недели о причинах трагических событий, явно надломивших "Железную Леди" или "Железную старуху", как прозывали Каравайникову в зависимости от настроения. Господи, какая уж тут гордость, когда на тебе лица нет от горя.

Не имея для "жалости" своей достоверной информации, женщины стали еще более усердно упражняться в догадках, чем невероятно раздули необъяснимую перемену в поведении старой девы. Нетрудно было представить какие гадости сочиняли про нее штатные сплетницы института.

Чаще всего всплывала тема родословной Полина Георгиевны. Всем было известно, что Каравайникова наследница весьма не бедных родителей с "романтическим" дворянским прошлым. Когда припирали обстоятельства, она могла выкинуть на местный, институтский черный валютный рынок тройку, пяток царских золотых червонцев. Естественно, предположения

институтских сыщиков, увеченных дедуктивными инсинуациями, быстро приняли уголовный уклон.

Золото! Золотишко! Желтый греховный металл, незаменимый для нарядных зубных коронок и фикс, по предположениям жалостливых коллег, и вверх честнейшую Каравайникову в пучину уголовного преследования. Если бы эта Каравайникова не носилась бы так со своей честностью и порядочностью, может быть и переживала бы поменьше. И с коллегами была бы помягше. Посоветовалась бы как быть, как спастись в пиковой ситуации. Все мы люди, все маленькие практичные человеки. Так нет!

А как же! Честь – была единственным бесспорным богатством Каравайниковой, честью, достаточно высокомерная девушка, дорожила больше всего. Тут было с чего убиваться. А пятна темные?... Ну, что тут удивляться. Милицейские костоломы известны своим хамством. К ним в руки только попади... Побили ментяры бедную женщину, побили... Надо бы написать коллективное заявление в милицию, взять на поруки неопытную дурашку, так не подступись! Не позволит гордячка вмешаться родному коллективу.

"Господи, праведный! – злилась Каравайникова. – И все это говорилось женщинами с жалостливой улыбочностью. О, проклятье! Как назойливо бабы жаждали продемонстрировать свое дежурное сострадание, алчно разглядывая на шее "Невесты Бога" синяки. Эти следы позора были густо замазаны тональным кремом, прикрыты шелковым шарфиком, но разве от женского глаза скроешь что-нибудь интимное".

Часами, как каменная, сидела Каравайникова за рабочим столом, тупо уставясь в перекрестие рамы окна сухим стеклянным взглядом. Она не чувствовала ничего. Ни рук, ни ног, ни ран на груди и животе, не говоря уже о голоде. Приносила ассистентка бисквитные пирожные, кулками теплые пончики. Полина заталкивала их в себя. С отвращением заталкивала. Лишь бы не слышать советов ассистентки Жанны. Плюнуть на переживания и поесть как следует сладенького. А лучше купить хорошего виски и надраться дома, "под одеялом".

"Даже душа покинула свое опоганенное вместилище и, незаслуженно оскорбленная, беснуется со своими упреками где-то рядом, отдельно от бесчувственного тела". – Думала Каравайникова. Думала раскаленные мысли, томилась Полина в паутине своих безотрадных мыслей о царящей в "жизни" несправедливости.

Одна тихоня Надежда Валерьяновна, казалось, не замечала мрачного настроения своей благодетельницы. Она приходила, рассказывала институтские новости, но Полина словно, не замечала ее. Безразличие Каравайниковой Павелецкую не обижало. Спасибо хоть не выгоняет. Надежда Валерьяновна лишь сокращала сводку внутри институтских слухов до минимума, целовала заторможенную Полину в висок и неслышно исчезала. Крепкая старушка. Ни слова комментариев для доброхотов.

И если бы не многолетняя привычка в определенные часы дня удовлетворять естественные потребности организма, она пала бы, "как заморенная кляча", от истощения. Но дома ждали нетерпеливые домочадцы, пес Тотька и кот Тришка. Глядя на их поспешную трапезу, на их азартный аппетит Полина тоже что-то жевала, что-то пила, что-то покупала в магазине...

Полина не заметила, как заснула за рабочим столом. Бессонница сказалась самым позорным образом. Никогда прежде не позволяла Каравайникова себе такую вольность.

В дверь осторожно поскреблись.

– Можно, Полина Георгиевна?

Полина дернулась и не сразу разлепила слипшиеся веки. Надежда Валерьяновна села напротив и терпеливо ждала, когда одутловатая со сна приятельница придет в себя.

В газах Надежды Валерьяновны всегда мерцала старческая слеза. Павелецкая всегда была – само участие. Вид приятельницы ее заметно расстроил. Каравайникова выглядела хуже некуда. Бедняжка кое-как причесана. Ни следа косметики. Даже на губах "съедена помада". Помотала Полина Георгиевна головой и жалко улыбнулась. Бедняжка совсем дошла до ручки.

Надежда Валерьяновна тоже улыбнулась. Положила свою сухонькую лапку на руку Каравайниковой и зашевелила губами. Надежда Валерьяновна собиралась что-то сказать, соответствующее моменту, но Полина Георгиевна высвободила свою руку, и предостерегающе приложила к своим губам указательный палец. В сочувствии Железная Леди не нуждалась и Надежда Валерьяновна запечатала свои уста. Она молча сходила за водой, принесла из булочной пару ватрушек. Приготовила кофе, подставила чашку под нос приятельницы и неслышной тенью прошла сквозь двери.

Свинство, так встречать заботливую наперсницу. Большое свинство.

Эта худенькая, по старомодному опрятная, рано состарившаяся женщина напоминала мышку-норушку. У нее и повадки были мышьиные, и шаг бесшумный. Порой она казалась бестелесной, так неожиданно появлялась и уходила, словно призраком проникала сквозь стены.

Надежда Валерьяновна всегда нуждалась. Она не просила, не кланчила. Бессловесная Надежда Валерьяновна всегда стояла в профкоме в очереди на копеечную материальную помощь. Она покорно ждала своей очереди на подачку, и только глаза ее выдавали меру безысходной бедности.

Попадая на банкет, мышка Надежда Валерьяновна ела быстро и много, виновато озираясь по сторонам. Бедненькая была так слаба, что боялась выпить глоток вина. Она всегда помнила как будет смешна, если позволит себе немного расслабиться на виду свидетелей своей непролазной нищеты.

Надежда Валерьяновна всегда имела при себе полиэтиленовый пакет и украдкой, в конце банкета, похищала со стола что-нибудь мясное. В сумочке припрятывала несколько конфеток. Для домочадцев.

Надежда Валерьяновна была вдовой капитана дальнего плавания, одна поднимала пятерых дочерей. Нищенские уловки ее были всем известны. Перед ней, как бы ненароком, всегда ставили блюдо с мясом и вазу с конфетами. Соседи по столу следили, чтобы тарелка мышкунорушки не пустовала. Понятно, в гостях ей пакет не требовался. Она и без пакета никогда не уходила домой с пустыми руками.

Мозг Надежда Валерьяновны высох от постоянных забот. Она давно забыла, и то, что знала в молодости. Но, как все прищемленные жизнью женщины, была крайне обязательной и услужливой. Директора терпеть ее не могли, не раз порывались уволить по причине научной несостоятельности. Надежда Валерьяновна приходила в профком и сухими глазами смотрела Полине в душу. У мышки уже не было сил просить о милосердии. И профсоюз, под руководством Каравайниковой, вставал на дыбы, грозился обратиться в суд и директор отступал. К счастью, в прежние времена уволить человека с работы было делом нелегким. Но Каравайникова понимала, что долго так продолжаться не могло. Полина посоветовала Надежда Валерьяновне поучиться на курсах машинописи и стенографии. У мышки обнаружился подлинный талант скорописи. Она была такой скорострельной на своем Рейнметалле, что вполне заменяла двух машинисток. И директор отстал от бедняжки.

Одним словом, благодарная Надежда Валерьяновна боготворила свою спасительницу. Но Полина сама неплохо печатала на компьютере, и быть полезной Полине мышка не могла. Тем не менее, мышка искала, как пригодиться своей заступнице, и нашла. Надежда Валерьяновна стала добровольной наушницей Каравайниковой. Через машинистку проходили все канцелярские новости. Надежда Валерьяновна была в курсе всех кадровых интриг.

Однажды Надежда Валерьяновна поскреблась в дверь. Не предполагая, что это начало довольно странной многолетней дружбы, Полина учтиво пригласила мышку присесть, стала варить в большом лабораторном стакане кофе. Распечатала пачку печенья.

Пока закипал кофе, Полина узнала, что в канцелярии происходит смена власти. Для начальницы отдела, а тем более для профсоюзной активистки это была очень важная новость. Альбина, прежняя секретарша директора, забеременела. Больше того, решила рожать. Ладно

бы от шефа! Так нет! Подгуляла Альбина, стихая от шефа, с главным механиком. А это уже явный подрыв авторитета руководящего работника культуры.

В итоге, механик уволился по собственному желанию. Муж Альбины, метеоролог, пропал где-то на Диксоне, шеф предложил изменнице три тысячи отступного, но секретарша Алька стала шантажировать шефа. Её сгоряча уволили. Нахалка обратилась в суд. Но шеф не растерялся, нанял милицейского оперативника, и тот нащелкал пачку фотографий любовных свиданий механика и Альбины. Шеф пригрозил послать мужу Альбины этот компромат на цветной пленка Кодак. Альбина ушла и на ее место заступила нынешняя стерва, секретутка скуластая Марьям, татарка. Восточная фигуристая красавица.

Полина терпеливо слушала донос Надежды Валерьяновны. Она была поглощена своими мыслями. Перемена в канцелярии сулила определенные неудобства. К Марьям еще нужно будет притерпеться. Каравайникова не замечала по наивности своей, что поощряет добровольную наушницу на предательство. А Надежда Валерьяновна вздохнула с облегчением, вот и она пригодились своей ревностной заступнице.

Пришла с закулисными новостями на кофе Надежда Валерьяновна еще раз и еще раз, и Полина поборолa в себе брезгливое отношение к доносчице. Не могла она обидеть бескорыстную мышку, которой более нечем было выказать свою признательность. Постепенно терпимость переросла в дружбу двух одиноких женщин.

А вчера терпение женщин иссякло. Жалость женщин перешла в атаку. В кабинетик Полины, бессмысленно уставившейся в раскрытую рукопись монографии, протиснулись три делегатки от женского общества института. Мелова, Стрелкова Дарья и Пучкова Раиска. Они настроены были решительно. Метафорически выражаясь, – Добро пришло с кулаками, чтобы вернуть коллегу к жизни.

Взглянув в лица посланцев обеспокоенных коллег, Полина сразу сообразила, что ее пришли встряхнуть, "расколоть", пришли заставить принять сочувствие коллег, и не портить своим унылым видом коллективу настроение. Делегатки пришли навязывать свою помощь. Какая помощь! Жить не хочется, а они лезут, лезут!.. Это не сочувствие! Делегатки пришли вывести на чистую воду, разоблачить свою норовистую сотрудницу! О! Эти будут действовать хирургическим путем, они уверены, что вскроют гнойник и вылечат.

Полина вздрогнула. Как они смеют вламываться в ее жизнь в такую позорную минуту!! Ее затылок и спину окатила горячая волна. Страх разоблачения парализовал гортань. Полина хотела выкрикнуть свой протест, но из горла раздалось лишь невнятное шипение. Рука, державшая прилипшую к пальцам шариковую ручку задрожала. Полина сжалась и замкнулась на все сто запоров своей гордости.

Женщины поняли, что сердобольная миссия их провалилась, "Железная Леди" ушла в свою раковину с головой. Но это не обескуражило ученых дам. Дамы пошептались и решили не отступаться от своего намерения добиться от Каравайниковой признания, хотя по-прежнему смутно представляли, в чем именно должна признаться Полина, и какая помощь "Невесте Бога" нужна.

Дамы Муравейника сменили тактику. Они начали разведку издалека. Плаксиво сморщившись, женщины приставали к Полине с расспросами о здоровье. Дарья выпытывала, уж не сглазил ли кто Полину? Какая-нибудь стерва из недоброжелателей, которых у самостоятельного ученого предостаточно. Дамы льстили в три голоса, пытались размягчить броню отчуждения, сковавшую вековуху. Предлагали первейшее средство от бабских невзгод: выговориться в бархатную жилетку и хорошенько поплакать. Пучкова Раиска и к своей знакомой ведьме Каравайникову посылала, – купить средство против сглаза. Это были такие легкодоступные средства от стресса. Заикнулись посланницы и о таинстве церковной исповеди. Записали на листке календаря телефон дьякона Евгения, поклонника Мелковой, обещавшего устроить исповедание наилучшим образом.

И Полина едва не потеряла бдительность, едва не проговорилась, настолько три недели душевных страданий истощили ее осторожность. Но бог миловал.

А как просто можно было бы отделаться от навязчивых доброхотов. Соврать, ляпнуть какую-нибудь чушь, первую пришедшую на ум и вся недолга! Ну да, мол, по дороге домой попала в дорожную аварию, отсюда и синяки, и траурный цвет лица, и все остальное. Но и соврать нужно уметь. А мастерицей вранья Полина была никудашней и хорошо, что не забыла об этом. Своей неловкостью она лишь больше взбудоражила бы любопытство баб, очумевших от скуки на работе, ничего не дававшей ни их уму, ни сердцу.

Но бог миловал. Хватило сил не забыть, что сострадали женщины вовсе не из жалости. Бабы душно страдали оттого, что старая дева не пускала это словоохотливое стадо погостить на лугах чистой души скрытной девственницы. Им очень хотелось обнаружить, что высокомерная "Невеста Бога" на поверку не так уж и чиста душой и телом.

Чего уж там, зуд болтливости томил женщин, а не участие. Но они нормальные женщины, им простительны такие невинные слабости. Но старая дева с такими нормальными слабостями "на язык" и "на передок" выглядела бы смешно. А Полина твердо знала за собой: она скорее умрет, чем допустит, чтобы выглядеть в глазах посторонних смешной. Ах, как зажужжал бы институтский улей, проведая всю правду про ее гадкую тайну. Правду высочайшей концентрации, крепче серной кислоты.

О полной недееспособности начальницы своей сотрудники отдела донесли "наверх", директору Муравейника. Он, тоже покупал у Полины золотые монетки. Покупал через секретаршу за бесценок и был посвящен в уголовные подозрения институтских дам. Директор пригласил Каравайникову в свой кабинет, "чистилище" института, встретил на пороге, взял под ручку, трепетавший локоток Полины прижал к жирному горячему боку. Заглядывая в затуманенные очи Каравайниковой, вкрадчиво предложил помочь "хорошим" юристом "со связями".

Полина никак не отреагировала на директорское предложение помощи. "Неблагодарная дура! – сокрушенно подумал директор и посоветовал Каравайниковой взять недельку отдыха за свой счет. Отдыха в четырех стенах квартиры Полина боялась еще больше, чем любопытных взглядов сплетниц и продолжала таскаться в институт.

Наедине со своим несчастьем Полина дошла до ручки. Еще никто из близких не был посвящен в ее тайну, еще не прокатилась волна позорной молвы, но сердце уже готово было разорваться от переполнявшей его безысходности. Рано или поздно ее позор перестанет быть тайной. Позор вырвется наружу, чтобы погубить ее. Она этого не переживет. Жизнь остановится. Стыд не знает пощады. Институт, увлекательную работу, верную единственную опору в одиночестве, придется покинуть. А что дальше?.. Опять попытка в четырех стенах.

Отчаяние душило, отчаяние требовало исхода, но рассказать кому-нибудь о случившемся – не расскажешь. Позор! Неслышанный позор! Но и молчание было не вмоготу.

Надо было что-то делать. Жить в таком состоянии теряла смысл. Порой она пыталась, как умела, помочь себе сама. Но опыта не было, подобной жестокости испытаний в ее жизни не случалось еще. Кажется, были применены все мыслимые средства лечения души. Применены были современные методики самовнушения. Какое там! Процедуры древней Йоги отдавали насилием, самоистязанием, только раздражали рассудок принуждением к покорности предначертанной свыше судьбе.

Молиться перед иконой пробовала Полина. Не приняла икона запоздалого покаяния атеистки, заигрывающей с религией своих предков. Дважды напилась виски, по доброму совету ассистентки, знающей толк не только в вине, но и в наркотиках. До рвоты напилась Полина.

И от "косячка" с "травкой" не отказалась. Они уединились в Измайловском парке. Полина выслушала краткую лекцию о предосторожностях при обращении к помощи наркоты. Но видно

было, что сама ассистентка не верила ни одному своему слову о "безопасности" растительного дурмана.

Ассистентка трясущимися ручонками долго, суетливо чиркала газовой зажигалкой. Она сразу же успокоилась, едва раскурила зеленоватый "косячок" с травкой.

"Бедняжка не заметила, как переступила черту, из-за которой возврата нет. Да она законченная наркоманка", поежилась Полина, уныло наблюдая как у ассистентки стекленели странно заблестевшие глаза, с расширенным, бездонным зрачком. На лице девицы проступила улыбка превосходства. Она гордилась тем, что бесстрашно переживает ощущения, недоступные начальнице, прозябающей в идиотском целомудрии.

– Полина Георгиевна, не любите вы себя. – Вальяжно заявила обычно подобострастная искательница ученой степени. – Такая красивая и такая вы пустая. Мне бы вашу красоту. Я бы шла по жизни как ледокол. Моему интеллекту только настоящей красоты не хватает. А без красоты и удачи нет. Разве это справедливо?

Девку явно "повело"... Нет, Полину не оскорбил развязный тон Жанны. Веснушчатое, простоватое лицо ее вспотело. Крупные капли пота, стекая с переносицы, расквасили дешевую тушь для ресниц и оставляли на щеках черные борозды. Полине было жалко дурнушку, обиженную природой. Полиной овладела ирония. "Ах, поганка неблагодарная"!

– По твоему, моя дорогая, карьеру я сделала за счет своей красоты? – Хохотнула Каравайникова.

– Не-а... Я... Я... Этого не говорила, – затрясла Жанночка маленькой редковолосой головкой на тонкой детской шейке. – Вы умная, Полина Георгиевна. Слишком для женщины умная. Вы умное красивое чудовище с гипнотическим взором. Я видела, как мужики перед вами съеживаются. Вы их подавляете своим превосходством. Они вас не понимают... Никто вас не понимает... А я – понимаю и за это люблю вас, милое мое чудовище. Вы хоть и холодная, но все равно уютная. Я балдею, когда сижу в вашем кожаном кресле, посреди антикварной мебели. Вы так правильно варите кофе...

– Хватит, хватит фантазировать, моя дорогая, – смутилась Полина от ласковых слов захопшей девчонки. Это не лесть. Это сермяжная правда, Полина Георгиевна лапочка вы моя. Ничего не скажешь, уютное у вас одиночество... Уютное... Но на мужика я этот уют никогда не променяю. Ни за что! Я хоть и не фигуриста, но за мной мужики ухлестывают только так. У меня сейчас целых два любовника. А было на той неделе – целых три любовника.

Каравайникова немного опешила. Она не знала обижаться или не обижаться на похвальбу этой блеклой сучки. Никто не смел при ней говорить о мужиках так беспардонно. Даже интересно, пожалуй...

Жанна облапила Полину и мокро чмокнула в шею, где-то под ухом. Полина оцепенела. Нежность, проявленная к ней так искренне, озадачила ее. Пропала злость, появилась жалость к Жанне, пропащей девчонке.

– Значит вы счастливая, детка? Вам есть чем похвастаться перед старой девой. – Снисходительно улыбнулась Полина.

Жанна встрепенулась, уловив напряжение в словах начальницы.

– Хорошо, хорошо, о мужиках больше ни слова. Простите меня, Полина Георгиевна, душечка вы моя... Вы красивая... Да, что это я несу... Это я уже говорила. Извините, Полина Георгиевна... Говорят, красота спасет мир... Говорят?

– Это азбучная истина, милочка, притча это. – Сказала Каравайникова покровительственно.

– Не-а, голубушка Полина Георгиевна! Мы запутались в притчах, мы хотим жить по этим притчам, а не получается. Не спасет Мир никакая Красота. Из-за нее все неприятности. Красота разъединяет нас. Она делит нас на две неравные половины – счастливых и не счастливых, на красивых и некрасивых. А когда установили эталон красоты, разные там золотые сечения и

прочие идеальные пропорции, – установили художники и добились дурнушек окончательно. Вот как жить всю жизнь с мыслью, что ты – некрасивая.

– Не надо так, наговаривать на себя, – с энтузиазмом вскинулась Полина. – У вас столько поклонников, вы, Жанночка, симпатичная...

"Ну и сказанула, – спохватилась Полина. – Лицемернее не придумаешь".

– Кобели, Полина Георгиевна, а не поклонники. – Вздохнула ассистентка.

У Жанны потекли обильные слезы. И, правда, ручьями. Она их не замечала. Носом не шмыгала. Голова ее клонилась на плечо Полины, глаза полузакрыты...

– Бабы все несчастные, – бормотала Ассистентка. – По бюсту нас встречают, по бедрам провожают, по коленкам оценивают наш интеллект...

Окурок в тонких длинных пальчиках, прозрачных, пальчиках, с заостренными подушечками, окурок размяк и разваливался. Полина заторопилась. Зелья на нее могло не хватить. Осторожно вынула окурок из пальцев Жанны. Руки дрожали и у нее. Это кошмар какой-то, так ей хотелось заплакать вслед за наркоманкой.

С первой же затяжки приторным, влекущим дымом Полину едва не хватил "кандрашка". Она хотела встать и уйти, но покачнулась и брякнулась на землю. Жанна разлепила глаза. Привычка к опасности мгновенно дала себя знать. Жанна немного "протрезвела" и, покачиваясь, быстро заковыляла прочь.

Перепуганная ассистентка вынуждена была вызвать скорую помощь. Сама она скрылась, а Полине, приведенной в чувство обычным нашатырем, пришлось нескладно врать про боли в желудке, про тошноту, головокружения. Она едва отбоярилась от подозрительного фельдшера, чуть не силой с шофером на пару тащившего Полину в санитарную машину.

Где там! Тщетно. Нет такого лекарства! Боль, причиненная негодяем, была Большой Болью. Слишком Большой, – изощренная, несравнимая с телесной болью: с ушибом там внизу живота или даже с кровавой раной на бедре. Эта царапина, оставленная какой-то ржавой железкой, хоть и глубока была, но зажила в три дня. Как на кошке. А живот перестал болеть уже на следующее утро. Вот душа все не заживала. Душа была покалечена этой Болью. Душа просто отказывалась принимать лечение. Бедненькая все ждала, когда свершится Высший Суд, Праведный Суд и Высшая Справедливость все расставит по своим местам.

Время текло, а боль души, хотя и метафизическая боль, не спадала. И пришла Полина к горькому выводу: не излечиваются временем страдания души. Эта мистическая особа не признавала законов земной реальности, где физическая боль физических ран, зарастает травой забвения, зарастает вместе с физическими ранами, сами по себе.

В этой боли было нечто онкологическое. Жизнь, отравленная непреходящей болью души, лишь плодила метастазы отчаяния. Кому нужна такая жизнь, когда стыдишься самое себя?? Прозабание это, а не жизнь. Разве что подонкам нужна такая ущербная жизнь. Изгойм, привыкшим жить в грязи бесчисленных пороков. От подонков отказались не только люди, от них, поди и душа давным давно сбежала. Или зачахла вконец от слез бессилия и презрения к своему обиталищу, которое не имеет права покинуть до последней минуты жизни подлого тела.

"Но я не подонки, чтобы презирать себя, – восставал иногда разум Полины против душевной боли. Но что проку. Что она могла изменить сама? Да ничего.

Постепенно, незаметно закралась в голову Каравайниковой шальная мысль о самоубийстве. Абсурдная мысль. Грязная, по прилипчивая, как любая грязь. Это были те еще метастазы! Цепенящие! Страшные! Но другого выхода найти она самостоятельно не сможет никогда. С душой-чистоплюйкой никогда не помирится. Даже искусственного забвения от наркотиков не получить. Да и как смочь вылечить себя, если утрачена воля к жизни. Если внутри пустота. Такой жизни, навсегда, наедине со своим позором, – ей не вынести. Для этого нужно стать совсем другим человеком. Именно другим. Отказаться от самого дорогого, – чести и достоинства, перестать уважать себя. Да и просто противно цепляться за жизнь в ее положении. Бывают

моменты, когда живучесть для человека становится – унижительной. Человек не клоп, не таракан, чтобы ставить рекорды живучести. Мне это не нужно, а до других дела мне нет.

Постепенно Каравайникова перестала отгонять мысль о самоуничтожении. Эта мысль давала уже нечто определенное, собирательное. Что-то вроде ближайшей цели. Цель начинала сосредотачивать в одной точке силы воли. Мысль о суициде становилась привычной. Как любая привычка – удобной.

Да, да, да! Удобной! Суицизм проблемы решал легко, в одно мгновение. Можно сказать, – без боли, если как следует продумать способ самоумерщвления. Без боли и навсегда. Полина начинала смиряться с неизбежностью насильственного исхода. А насчет греховности такого поступка...

"Греховности!? – Ненадолго споткнулась мысль Полины. – Где был Всевышний, Всеведущий и Справедливый наш Создатель? Как мог попустить Всевышний, законодатель справедливости, когда ублюдок творил свое черное дело!?"

"Никто не имеет права осуждать женщин, – горячилась Каравайникова, – женщин, которые после подобного унижения кончали жизнь самоубийством. Каждый человек, кому Господь отказал в защите, вправе распорядиться своей жизнью по своему усмотрению. Никто не имеет права заставлять жертву терпеть проклятье унижения всю жизнь только ради того, чтобы не согрешить перед Небесным Пастырем!"

Сначала Полина оробела от своей дерзости. Подошла к иконе Николы Угодника и посмотрела ему в глаза. Нарисованные были те глаза. И она возмутилась на свою робость. Ее прорвало, понесло.

"А ведомы ли Ему страдания его смертной овцы? Да, да! Ведомы ли Богу человеческие ничтожные страдания, когда приходится жить на одной земле, в одном городе, дышать одним воздухом с негодяем, искалечившим твою жизнь?"

Это были богомерзкие мысли, но они погнали кровь мощным потоком, взбудрили увядающий мозг. Богохульство только укрепило ее решимость покончить с собой в самое ближайшее время.

Как ни странно, но именно теперь, после недель ужаса перед своим будущим, отравленным несмываемым унижением, мысль о суициде понемногу стала отрезвлять Полину. Последнюю неделю она обдумывала этот шаг почти спокойно, почти деловито и всесторонне.

Понятно, душа не смолчала. Она негодовала на самоуправство кощунствующей женщины. Душенька грозила за самоубийство адскими карами на "Том Свете". Но душа особа вечная. Пожила с тобой, пока тело было живо, и ушла к Богу за новым назначением. Определят ей очередную роженицу, и поселится она в непорочном тельце младенца. Вечная и счастливая. Так и бродит туда-сюда. Душенька особа вечная, так что, не указ она смертной женщине.

Показалось Полине, что в этот момент, на пике страданий, душа ее от гнева и бессилия пережила клиническую смерть. Закончилась земное дежурство души, надзирательницы, посланной Всевышним для контроля за своей овцой. Душа перешагнула границу тьмы, и увидела нездешний свет: розовый, роящийся, жемчужный.

Нет, это был не свет надежды, которая обещала, что все наладится, что жизнь смертной грешницы-ослушницы вернется в свое прежнее русло. Это был свет прозрения. Свет жемчужный этот предназначался не душе, особе нетленной. Это был сигнал. Сигнал этот предназначался для нее, Полины Каравайниковой. Свет из другого, неземного мира, куда дорога вела через самоубийство, враз разрешающее все проблемы человека потерпевшего жизненную катастрофу.

Женщина эта не распознала сакральное значение жемчужного свечения в ее слишком наэлектризованном воображении, но это уже не имело значения. Сигнал был. Сигнал был благоприятный. Это уже был, какой никакой, а выход из тупика отчаяния. Если решиться пойти на этот запредельный жемчужный свет, она сохранит навечно свое человеческое достоинство.

Едва решение было принято, Полина почувствовала, что между нею и людьми пролегла черта отчуждения. Она добровольно ушла от людей, хотя шаг ее никто не одобрит. Она почувствовала себя преступником. Уже осужденным преступником, заслушивающим пространный приговор. Преступником готовящем про себя для суда свое последнее слово. Это не будет слово оправдания. Ей не в чем оправдываться.

Так закончилась самая тяжелая полоса ее жизни, полоса неопределенности, полоса телепатия между жизнью и смертью.

В тот же вечер, несколько успокоившись после принятия решения о самоуничтожении, Полина почувствовала, что вновь ощущает свое отошедшее тело. К ней возвращались реальные ощущения времени, пространства и бытия. Но каким же противоестественно тяжелым было теперь ее костлявое тело. Навалилась на грудь нечеловеческая, какая-то лошадиная усталость. Верный признак, что, впервые за три недели, она заснет без страха снова, в сотый раз, увидеть на обратной стороне век фильм о своем несчастье.

Смонтированный из обрывков воспоминаний, этот садистский фильм, тем не менее, был полон живописных подробностей. Пикантных даже подробностей. Подробности эти подтверждали, что произошедшее несчастье тоже есть неотъемлемая часть жизни человека. Только в часть эту мрачную жизни старая дева была слишком долго не посвящена.

"Вот и выплусь пред смертью". – Удовлетворенно зевнула Полина, по привычке взбивая перед сном пуховую подушку.

На этой подушке так сладко спалось. Мама готовила ее в приданное дочери к свадьбе, которую ждала до своего последнего часа. Неудивительно, что подушка так долго сохраняла материнское тепло.

Полина натянула одеяло на голову.

"Решение о способе самоубийства можно принять и утром. На свежую голову". – Горестно запланировала Полина.

И спугнула сон.

В голову полезли мысли о том, как воспримут ее смерть на работе. Постыдную смерть. Ой, и зажужжат девки в институтской курилке. Вслух не скажут, а про себя дурой назовут. Наверняка. Придут ли коллеги на похороны, тоже под вопросом. Хотя бы цветы послали.

Умирать в качестве протеста против мерзостей жизни Каравайникова просто боялась. Как представит свое бездыханное тело, как вообразит себе, что оно валяется на земле неопрятное, никому не нужное, сплошная для всех обуза, так и заколотится сердце в протесте.

Разумеется, проще и справедливее было предать смерти насильника. Но это нужно уметь, и хорошо уметь, чтобы он сам с тобой не расправился во второй раз. Окончательно... Она не прочь была прочитать какое-нибудь пособие по умерщвлению негодяев. Можно, можно было поучиться профессиональному ремеслу убийства. Но где как достать такое пособие. А если и достанешь, – так потренироваться нужно, а на ком? Да это такая бодяга... Люди всю жизнь посвящают этому ремеслу, потому у них и получается. А женщина-любительница, – нет, нет, это блажь...

Мать честная! Стыдобища-то какая. Страшно подумать, сколько хлопот обрушится на голову сестры Варвары. За рытье могилы жуть сколько сдерут землекопы. Да еще гроб, да венки. Еще оркестр. Без оркестра похоронить родную сестру Варваре престиж не позволит. Да, оркестр обязательно будет. Живые цветы Варвара обеспечит. Неужели и для меня, "неправильного" покойника будут играть, как и для всех "нормальных" жмуриков? "Умер наш дядя и жалко нам его?" По полному погребальному чину будут хоронить, пожалуй. На меньшее Варвара не согласится. Не так воспитана. Она может быть неважной сестрой, но приличия и для нее – дело святое. Вот и хорошо. Вот и прекрасно".

" Ой, ли... Хорошо ли? Прекрасно ли? Я такую подлянку подложу Варваре... А вдруг Варвара разозлится и пойдет на поводу у ханжей? Она может психануть! Может! Все из-за тех же приличий. Ведь самоубийца бросает тень и на своих родственников! Разобидится Варвара, прямо из морга заберет позорное тело, домой не повезет. Ох, господи, пресвятая мать Орина... Искромсанную патологоанатомом, бросит меня в не строганный гроб... Ни цветочка не положит, ни слезинки не уронит... И зарюют меня как безымянного бомжа на самом дальнем краю кладбища. Рядом со свалкой кладбищенского мусора".

У Полины предательски зачесался нос. Она поежилась, едва не захлюпала от жалостливой истомы к себе, бедняжке горемычной, всеми презираемой.

" Ну, да, там, на краю такая вонючая болотина. Б-р-р... Пиявки, лягушки, такие скользкие... Пожалуй, так и будет. В болоте закопают меня... А про крест православный и говорить нечего... Жуть смертная, да и только. Ни памятника надгробного, ни оградки. Будут пастись на безымянной могилке облезлые козы, твари бодучие, такие милые дьявольскому сердцу. Никто и не вспомнит обо мне, несчастной. Бр-р-р!"

Сквозь стиснутые веки просочилась слабовольная слеза... Нет, это из носа потекла светлая жижица. Как никогда заревела Полина в голос, и побрела на кухню накапать себе корвалола.

" Как быстро в несчастье портится характер. – Подумала Полина.

Какой тут сон. Каравайникова вышла на балкон, глотнуть свежего воздуха перед очередным сеансом бессонницы. Озябшие предраассветные звезды аж звенели от злости.

"Ночь – это маленькая смерть". – Подумала Полина.

Мысль ей понравилась своей трагичностью. Надо же! В этой трагичности присутствовал даже некий философический пафос. Мысль была так созвучна настроению. И снова захотелось пожалеть себя, но она стиснула зубы и подавила жалость... Посмешище. Без одного дня покойник, а берется философствовать. Подумала бы, как понадежнее совершить свое черное дело.

" Каждую ночь с нами происходит маленькая смерть".

Истомившийся за три недели безделья, мозг жаждал настоящей работы. Мозг трепетал от подвернувшейся возможности хорошенько напрячься и отмежеваться от реальности созревающего самоубийцы. Мозг жаждал абстрактного эфира вольного воображения. Мысли хотели полетать перед мгновением Икс, насильно прерывающем связь земной мысли с вечностью Вселенной. Мозгу неважно было над чем экспериментировать. Для него тоже настоящая работа была наркотиком.

"Засыпая, мы умираем... А сны – это послания от смерти с "того света". Увы, в никуда. Нет, они предназначены продолжающим тянуть свою жизненную лямку, ничего не знающим о вечном покое Того Света... Боже мой! А душа и рада, что мы становимся такими беспомощными, такими безопасными для нее. Вы только посмотрите на нее. Отдыхает душа от нашего земного сволочизма. Улетает в просторы Вселенной... Порхает как голубой мотылек. Наверное, жалуется мотылек Всевышнему, как трудно с нами бороться. Доносчица... "Там", поди, уже известно, что я надумала руки на себя наложить. Известно-то известно, но никто не торопится предотвратить глупость старой девы. А ведь я и вправду – "Невеста Бога". Что женщина ты, Всемогущий, не пожалеешь свою "Невесту", пребывающую в растрепанных чувствах по твоей вине. Не нужна я тебе... Не нужна...

Город гудел утробно, откуда-то из-под земли. Как зарытый в землю мощный электродвигатель. Город гудел, переливая из пустого в порожнее мертвые сны.

"Вот и настал черный день. Утром первым делом нужно снять со сберкнижки все до копейки, что по рублику отложено на этот самый черный день. Не забыть бы написать завещание. Короткое, но толковое. Квартиру, само собой, – племяннице Карине. А то Варвара быстро промотает. А Варваре? Варваре достанется фамильное серебро и остатки прадедовского золота в царских червонцах. Господи, какая я непрактичная у тебя. Словно жить соби-

ралась сто лет. Золото берегла. Мамины вещи, выглаженные, висят в шкафу... Папин архив сохраняю... Плюшкин в дамском платье. Даже завещания не имею. Отчего это? Эгоизм это или от обиды? Глупая я еще, господи... К смерти надо готовиться, а я делю имущество между живыми. А готовиться нужно загодя. Чтобы не суетиться в последний день. Бог с ними, с наследниками, сами разберутся. Хотя нет, не разберутся. Еще нужно тащиться к нотариусу. Завещание заверить. Чтобы никаких недоразумений ". Умереть даже по своей воле – не так-то просто. Тоже событие"...

Каравайникова хотела было перекреститься. Вернулась в спальню, требовательно взглянула на темное безразличное лицо усталого святого, скучавшего в полумраке спальни. И не посмела кощунствовать. Контакт с родительскими образами так и не налачился. Не хорошо. Не по-христиански.

"О, бабы, бабы! Вместо того чтобы отомстить негодяю, мы себя убиваем... – Полина набросила на икону свой ситцевый халатик. – Вот теперь я совсем одна и ни на кого более не рассчитываю. Ни к кому никаких претензий... И ничего хорошего в этом не вижу. Спятила баба. Некому поучить вожжами. Представляю, как будет ворчать Варвара: "Был бы мужик дома – не допустил бы греха".

Полина достала их холодильник тарелочку с остатками сотового меда. Мед затвердел. Аромат выветрился, но вкус так и остался божественным. Но мед не подсластил грустные размышления. Последние размышления самоубийцы...

"Раньше, чуть что, я сразу начинала выступать, "права качать", как выражаются прибалт-ленные нынешние интеллигенты. Любому начальству говорила прямо в глаза, если он поступал не по совести, несправедливо... Сколько лет проработала председателем месткома... Сколько грамот, сколько подарков получила за свою честную работу на благо родного коллектива... Даже забавно, все больше часы дарили... Словно, подгоняли мое время. Сколько повоевала за права своих коллег... И все бесплатно. А когда пришел мой последний час – рядом никого. Никому ты, Полина Георгиевна, не нужна более со своей хваленной справедливостью".

Горьковатый мед защекотал горло. Каравайникова опять захотела поплакать, но и тут обнаружился недосмотр Всевышнего, – обделил слезами.

"Теперь, Полина Георгиевна, о справедливости ты и не вспоминаешь. Спеклась, милочка ты моя. Над тобой надругались, а ты и хвост поджала... Ах, Справедливость, Справедливость... Коварная ты штука. Другие женщины до умопомрачения требуют от жизни бабского счастья, а я, как ненормальная требовала Справедливости. И не обижалась, когда за глаза обо мне шептались: "эмансипетка"!

Тарелочка опустела слишком быстро. Раньше этого лакомства хватило бы еще на одну покуску.

"Я желала этой справедливости, как бабы, в самую свою знойную пору, желают мужика... О! Это самое страшное, когда в недрах женщины рождается это нестерпимое желание. Желание Справедливости. Это жгучее, стонущее от страсти чудовище пожирает мозг, женщина глупеет от своего желания. Да руки коротки настоять на своем. Увы и ах! Нормальная баба смиряется, обессиленная, беспомощная она уходит в себя, впадает в транс безразличия, как саламандра впадает в спячку... Но это обманчивое безразличие, обманчивое смирение, господа хорошие!"

Мысленная тирада эта предназначалась мужу Варвары. С трезва безответному существу. Забитому. Но буйному спьяну. Вспомнив о зяте, Полина и ему назначила часть своего домашнего скарба. Охотничье ружье Зауер с золотой насечкой и оптическим прицелом, нормально зарегистрированное, мирно почивающее в платяном шкафу, рядом с дедовским сюртуком.

А мысль все отваливала от практических забот. Спешила в сферу абстракции, поэтических метафор, в виденческий мир воображения. Не очень ее там принимали грезы, слишком иронична она была. Ну да бог с ней... Не долго ей осталось...

"А "воще" удивительно. Вот и меня, как всякую нормальную женщину, тянет поразмышлять на тему возмездия. Отвлеченная тема, но все-таки. Не нужно обижать женщин. Не нужно. Себе дорожке выйдет. В дремлющем наяву, в мозгу оскорбленной женщины, ожидающей подходящий момент, мысль о возмездии змеей скручивается в спираль. В потемках окостеневшего сознания эта мысль-змея ведет себя развязно. Знает, подлая, ее не выдадут. Порой многие годы, а то и всю жизнь она шипит и требует устроить вселенский погром. И женщина ждет подходящего случая для мести. Пока не забудет, с чего взбеленилась. Справедливость... Да на кой она мужней бабе, когда вокруг тебя детишки, когда рядом надежный добытчик мужеского пола. Какая разница как он добывает корм. Но бог с ними, клушами. Я не завидую. Неужели и я обречена до конца дней своих жить со змеей в мозгу, с неосуществленной мстью? Змея будет жалить, жалить, а я терпеть, терпеть? Да нет, где там! Я не настоящая женщина, я с брачком. Я не выдержала первого же серьезного испытания на прочность. Я выродок, а у выродков инстинкт самосохранения тоже подпорчен. Я спеклась. Я скорее себя убью, чем в порядке справедливого наказания лишу жизни другого человека".

Босая Полина пошлепала в свой кабинет. Включила бронзовую настольную лампу с зеленым стеклянным абажуром. Положила перед собой белый-белый, чистый-чистый лист мелованной бумаги, отвинтила колпачок отцовского "вечного золотого пера" фирмы Паркер. Вздыхнув, стала медленно, крупно выводить слово "Завещание. Перо скрипело, не оставляя следа. Чернила высохли...

"Знамение. – Грустно улыбнулась Полина ослепительному листу бумаги. – С такого вот чистого листа нормальные люди начинают после катастрофы новую жизнь, а я заканчиваю"...

Каравайникова набрала в баллончик авторучки черных чернил и упрямо уперлась пером в белое бумажное поле. "Завещание" – не дрогнувшей рукой вывела она черным по белому. Разделила свою жизнь на две неравные половины. Белую – "До Того" и черную – "После Того". Вот так, одним росчерком пера отделила общеизвестное, до дна изученное Бытие, от неведомого, но привлекательного своими тайнами Небытия.

"Вот и все. Черта подведена"...

Рука Каравайниковой все-таки дрогнула. Теперь она не сомневалась, что приняла окончательное решение. Остается достойно исполнить свое решение... Хватит нервозности, хватит сомнений. Сейчас нужно быть очень спокойной и рассудительной. Разделить свои вещи нужно по честному. Не дай бог обидеть кого-нибудь. Последняя воля человека должна быть в высшей степени обдуманной и справедливой. Это моя последняя обязанность на земле...

"Вообще-то золото больше нужно внучке. Ей предстоит свадьба, белое платье с фатой серебристой, белые туфельки, крупные хризантемы. И бабушкино ожерелье из крупного розового жемчуга. Обручальные кольца лучше заказать у хорошего ювелира из фамильного золота"...

Полина больше не думала о внучке как о родной девочке со своим именем и своим лицом. Она думала о внучке как о юридическом понятии "внучка. Так, вроде было легче соблюдать справедливость при дележе наследства. И для сердца легче. Пора привыкать к вечной разлуке.

"Нет, правда! Варвара это тот еще фрукт. Живет одним днем. Здесь и сейчас. А что завтра – пусть муж заботится. Как сестру похоронить по-человечески, так ее нет. Ее больше заботит, что скажут люди. Православные, конечно же, будут плевать вслед самоубийце, это так, но я все же родная кровь".

Полина взорвалась от негодования. Она несла напраслину со зла. Что-то в глубине ее не желало умирать, даже завидовало тем, кто будет продолжать жить. Не ахти как хорошо, но жить, жить... Варвара была не такая, как она о ней подумала, но маленькая гадость, промелькнувшая в голове под занавес, ей нравилась.

– Ну и ехидна же ты, Полина Георгиевна. – Вслух произнесла Каравайникова, и отшвырнула авторучку.

Голова закружилась... Полина помассировала затылок, но возмущение на собственную злость не унималось. Плохо видя кончик золотого пера сквозь прилившую к глазам кровь, Полина жирно, широким размахом зачеркнула слово Завещание и поставила тучную точку. Налила себе рюмку коньяка... Ничего не почувствовала, выпила вторую. Головная боль начала отступать.

Полина вновь присела к столу. Скомкала испорченный лист. Достала другой. На ослепительно белом листе душистой шведской бумаги крупными, уверенными в себе буквами, составила список дел на завтра. Начинался список с завещания. И осталась довольна собой. Проверила текст, нашла две описки, аккуратно забелила ошибки корректорской краской, старательно втиснула "правильные" буквы. Осталась собой довольна. Это хорошо. Наконец-то к ней возвращается интерес к обычным житейским обязанностям, которые для хорошего человека начинаются с заботы о других. Ей хотелось, ей очень нужно было оставаться на земле до конца "хорошим человеком". Пусть она как женщина, – какая никакая, но человеком она останется только "хорошим". Хотя, завтрашнему покойнику это ни к чему, но хорошо.

Полина промокнула траурный текст малахитовым пресс-папье с серебряным орлом, распластавшимся на месте предназначенном для ручки, и пошла спать. Хорошо выполненная работа и раньше вселяла в неё чувство уверенности.

Мысли о последствиях добровольной смерти более не прибавляли страданий. Пожалуй, наоборот, ледяные простыни согрелись необыкновенно быстро. Полина именно теперь, утопая в уютной пуховой перине, стала понемногу приходить в себя. Суицид не терпит суеты. Тут нельзя быть уверенным в себе наполовину. Иначе не миновать беды и вместо вечного покоя на кладбище можно "загнать" до конца дней в койку спинальным инвалидом.

Заснуть она не заснула, но это уже не имело принципиального значения. Главное, голова загружена серьезной позитивной работой. Она снова могла рассматривать себя и свои беды в окружении жизненного пространства как бы со стороны, объективно. Стыд более не мозолил мозги. Хорошее и плохое в ней снова были каждый на своей полочке. Сила и слабость ее по-прежнему враждовали, но эта вражда не заслоняла весь мир. Она больше не боялась в себе плохого, за что ее могли осудить ханжи.

В полудреме даже затеялось в воображении нечто похожее на судебный процесс. Вот и хорошо! Только она могла судить себя, наказывать или прощать, приговаривать или оправдывать. Приговор самоубийцы себе самому должен быть взвешенным и честным. До сего дня она была больше в роли прокурорши и судьи, винила себя даже там, где не согрешила. Довольно самобичевания. Нужно не забыть, что не только прокуроры и судьи решают судьбу человека. Прежде чем лишить себя жизни, судья слово должен дать и Зашите.

"Конечно же, это проформа в моем положении обреченной, но все-таки". – Зевнула Полина, принимая любимую позу. Повернулась на правый бок, поджала ноги, ладошку сунула под щеку.

И слово Зашите было предоставлено. Прежде всего, Защита потребовала Справедливости. Несправедливо подзащитной уходить из жизни, оставляя ее в распоряжении негодяя. Защита объявила, что смерть Полины Каравайниковой никак не может быть добровольной. Она наложит на себя руки вынужденно. И вынудит ее к этому не стыд, не беспросветная душевная боль, но тот, кто подвергнул ее унижению. Подонок не только надругался над душой женщины. Получалось, он еще и присвоил себе право распоряжаться жизнью и смертью тела своей беззащитной добычи.

– А это не по-божески. – Вызывающе Заявила Защита.

– Какая разница для повешенного, на какой веревке его вздернули, на льняной или конопляной. – Отмахнулся уверенный в своей непогрешимости Прокурор и Защита разом утратила свой идеалистический задор.

– Несправедливо лишать приговоренного права выбора. – Находчиво, но без всякого энтузиазма парировала Защита.

– Слишком несправедливо. Для приговоренного имеет символическое значение каждая мелочь ритуала умерщвления. – Рассеянн пробормотала себе под обвиняемая, женщина средних лет миловидной наружности.

Судья и прокурор удивленно уставились на женщину, словно на постороннюю в судебном процессе.

– Кто это тут права качает? – Нахмурился прокурор.

– Из потомков "бывших". Полина Георгиевна Каравайникова. – Доложила секретарь суда, как две капли воды похожая на ассистентку Жанну, стажировавшуюся у Каравайниковой. – Рост 170, вес 62, талия 50, бюст № 5, – бубнила Жанна, – зеленоглазая, русая, ранее не привлекалась, в порочащих связях не замечена, незамужняя, лингвист по профессии.

– Несправедливость, однажды случившись на этом свете, продолжит преследовать свою жертву и на Том свете. – Снова подала голос подсудимая.

– Да хватит вам Каравайникова носиться со своей Справедливостью, надоело! – отмахнулась судья. Она взглянула на часы, подаренные Каравайниковой Обкомом профсоюза в 1980 году, и заерзала в кресле, поправляя под собой изящную бархатную подушечку.

Процесс затягивался. Защита устала от безнадежных прений. Судья устала от наивности Защиты, от занудливой обвиняемой, не соизмеряющих свое абстрактное прекраснотворение с непреложным Законодательством Человеческой Судьбы, написанным самим Всевышним.

Воцарилось гробовое молчание. Полина почувствовала, что всхрипнула во сне и встрепенулась.

– Попрошу не богохульствовать! – Напыщенно потребовал прокурор.

– Свят, свят! – Перекрестилась Судья.

– Не будет покоя мученице и Там. Не получит она райского блаженства. Адское чистилище в преисподней ждет самоубийцу. Высокий суд должен помнить, что у нас он самый гуманный в мире. Нужно пожалеть одинокую несчастную женщину. – Лишь из упрямства дерзила честолюбивая Защита.

– Да сколько можно. В конце-то концов... Не заслужила я преисподней. Этот скот и на Том Свете будет приставать ко мне. – Дремотно обронила обвиняемая.

– А вот оскорблять не надо! Не вам, подсудимая, решать, куда ангелы пошлют свидетеля вашего позора. – Напомнила высокомерно Судья.

– Не много же жалости у ваших ангелов. – Философски, совсем неуместно вставила свое словечко подсудимая.

– Забываетесь милочка, – возвысила гневный голос судья. – Жалость унижает человека! Неужели жалость важнее справедливости!?

– Не знаю... – Потерянно обронила подсудимая.

– Да, да! Как мы забыли! Вызовите, наконец, свидетеля! – Потребовал прокурор, как прокукарекал.

– Да это же он! Он самый! Это он! – Вскрикнула обвиняемая, не дождавшись появления в кинозале негодяя-свидетеля. И проснулась.

Сердце билось как загнанное. Проснулся и кот, примостившийся в ногах. Полина положила его себе на грудь. Кот свое дело знал тугο. Он сообразил, что у хозяйки стресс и заурчал особым, убаюкивающим, прямо-таки колдовским урчанием.

Вскоре Полина перестала чувствовать свое сердце.

Унижение поколебало уверенность Полины в себе. Восстановить равновесие могло только прошлое, если оно достойное.

Полина любила вспоминать. Больше потому, что бесконечно любила мать и отца, в течение месяца один за другим умерших во сне, тихой, чистой смертью. Так же чисто прожили родители и свою долгую жизнь.

"А вот у дочери смерть чистой не будет" – безразлично подумала Каравайникова.

Раньше стыдиться ей было нечего. В трудную минуту это была верная отдушина. Всю свою жизнь она стремилась жить по совести, по справедливости. Не мешать другим, не вырывать кусок из чужого горла, не подличать ради карьеры. И стремление к справедливости даже в мелочах жизни отблагодарило ее с торжествующей.

Благодаря обостренному чувству справедливости, Каравайникова признавала себя женщиной порядочной, во всех смыслах. Полина была счастлива этим скромным, неброским достижением. Достижению этому не завидовали, оно не плодило врагов. Если не кичиться. Чего не скажешь про тех несчастных пройдох, кто отдал свою порядочность за прибавку к жалованию. Часто не такую уж и большую прибавку, чтобы изо дня в день лебезить перед начальством. О, Господи! Масляно заглядывать в начальственные глаза, изучать каждую гримасу на жирной физиономии, изводя себя сомнениями: угодил или не угодил.

Кот полчаса отдежурил свое и опять перебрался в ноги, где не так тепло, но зато спокойнее. Полина то и дело включала ночник, взглядывала на часы. С прошлым у нее все было в порядке, но сон все равно не хотел сменить гнев на милость.

"Нет, в самом деле, несправедливо отдавать негодяю право распоряжаться твоей жизнью и смертью". – Думала Полина, постепенно раздражаясь.

К пяти часам утра самоубийство уже не казалось лучшим выходом из тупика. Скорее самоубийство – подарок негодяю. Как хорошо, исчезает самый важный свидетель его мерзостей. Стоит ли торопиться? Скорее наоборот. Справедливость требует возмездия.

"Я устрою этому подонку другой суд. Свой суд, где я буду свидетелем, а не он. И обвинителем буду я. И мне не потребуются ни адвокаты, ни прокурор, ни судья, ни заседатели. Я сама буду за них в одном лице". – Яростно подумала Полина и опешила.

"Как все просто может разрешиться. Смерть подлеца решает все проблемы даже радикальнее, чем самоубийство. Если спокойно разобраться, если не травить себя упреками, мол, это самосуд, самоуправство, то возмездие, возмездие не такое уж противное дело! Оно не отменяет так приглянувшийся тебе выход через самоуничтожение. Успеется! Помогите Справедливости свершиться, а дальше – как знаешь. Можешь и не лишать себя жизни, можешь и покаяться, и принять наказание, и ратовать за правосудие... Но это потом... После того, как Справедливость восторжествует. В конце концов, – уничтожить негодяя – это мой долг перед Справедливостью".

Нет, это еще не приговор негодяю. Скорее – сырая Идея, которую еще следовало наполнить жизнью. Прочувствовать ее во плоти, при дневном свете. В потемках яростной бессонницы эта идея была слишком хороша. Она слишком рьяно вдохновляла на подвиг самопожертвования ради торжества Справедливости, чтобы быть реальной. Возможно, утром Идея убийства обидчика распадется в первых лучах зари как демонский фантом, посеяв в душе еще больший ужас. Ужас страха за себя, в злобе докатившуюся в своем ночном бреду до роли убийцы. А, может быть, идея возмездия вовсе не бред? Пусть-ка еще посостязаются самоубийство и месть за право владеть ее сердцем, руководить и направлять ее последующие действия.

Казалось бы, появилось ощущение, что не такое уж безвыходное у нее положение, но пришла другая напасть. Стало ясно, – одной, без помощи со стороны, ей не осилить акт возмездия. Нужен технический помощник или сообщник. Позарез требовалось решать и эту проблему.

Придется, все-таки, пропустить свою Идею через сторонние мозги. Поделиться, к кем угодно, перед кем угодно выговориться, выплеснуть зажатую в сердце правду о себе, – без пяти минут Судье и Палаче. Изреченная, Правда из намерения превратится в руководство к дей-

ствию. Собственно, сообщник уже есть. Наркоманка Жанна в долгу у меня. Уж как извинялась за предательство в парке. И я не разгласила ее пристрастие к марихуане. Жанна на "крючке", из нее нетрудно сделать послушного зомби. Можно даже совершить возмездие ее руками... Какая, все-таки, это мерзость – месть. Она сделает меня палачом! Только подумала, а уже чувствую себя замаранной подлостью с ног до головы.

"Так что же, все-таки, выбираем самоубийство" или не выбираем? – Вернулась Полина к исходной точке своих размышлений, совершив полный круг сомнений.

"Господи, сколько же мороки! Все слова, слова, мысли, мысли, сомнения, сомнения, – никакой конкретики. Да соберитесь же вы с духом! Если Вы, мадам, брезгуете ролью палача Справедливости, если вам дороже жизни ваше чистоплюйство, так ступайте себе на балкон – перевалитесь через перила – и финита – ля – комедия".

Во дворе зашаркала метла дворника. Тоже не спится человеку.

"Убить паразита – неблагородно? А себя угробить – благородно"? – Полина почувствовала, как от возмущения зашевелились на макушке волосы.

"Ой, ли! Ты спятила, мать! Не такая уж я несчастная, чтобы искать спасение на том свете. Я прожила достойную жизнь и тем заслужила право иметь свой взгляд на Справедливость. Весь мир должен об этом узнать немедленно. Вот действительно пойду сейчас на балкон и закричу: не виновата я! Это будет великая Исповедь. Исповедь мстителя, преодолевшего в себе интеллигентское слюнтяйство. Больше того! Преодолевшего зов самоубийства! А то, что со мной случилось – ошибка в программе судьбы. Если Судьба запросто допускает такие ошибки, управление Судьбой нужно брать в свои руки".

Тело Полины свела судорога. Кот спрыгнул с кровати и отправился на половичок в прихожую, под теплый бочек песика Тотьки.

"Не давай себя душить, девушка. – Бред, но интересно". – Усмехнулась Полина впервые за неделю.

С замиранием сердца, Полина набрала номер сестры. Исповедь жгла язык, сушила гортань, словнохватила она красного жгучего перца. Казалось – вот выплеснется душа и жизнь начнет налаживаться. Не может родная сестра не посочувствовать и не одобрить приговор негодяю.

Телефон не отвечал. Понятно. Отключили на ночь. Но мысль выговориться в исповеди и получить, хотя бы косвенное, одобрение своего решения только окрепла. Если с умом исповедаться, уверенности в своей правоте будет еще больше.

Не выговорившись, она не могла поверить, что способна на столь жестокое возмездие. Она впала в какое-то мистическое безумие чувств. Она нуждалась в трезвом слове Постороннего Разума как в напутствии перед опасной акцией. В любом слове нуждалась. И немедленно, пока еще не вернулось уныние. Годится даже осуждение. Пусть над ее кровавыми планами посмеются как над фантазией. Все равно она поступит по-своему.

Вот и кончился суд. Кончилась болтовня. Теперь Полина чувствовала себя в положении преступника, бестолково использовавшего свой последний шанс на оправдание, свое Последнее Слово. Получалось, исповедь была ее последним желанием перед казнью.

И хорошо, что не проболталась Варваре. Какой уж у нее Разум.

Теперь Каравайникова более не рассуждала о моральности своей кары. Не по своей воле она присоединялась к изгоям общества, попирающим Закон. Ответственность ложилась на действующую по обычаям джунглей подзаконную силу – так называемую Личную Справедливость, точнее – самосуд. Нет, правда! Самосуд был единственной возможностью постоять за свою честь для таких слабых одиночек как она. Только эта темная, варварская сила могла помочь беззащитной женщине восстановить раздавленное Собственное Достоинство. Да, да! Восстановить униженному уважение к себе хотя бы в собственном воображении.

Весь день Каравайникова снова и снова перелопачивала знакомства, выискивая, кому бы доверить свою исповедь. Весь день она пестовала литературную форму своего зловещего признания. Оттачивала мотивы задуманного преступления.

И весь следующий день Каравайникова прикидывала над чьей головой разразится ее гроза, на кого все-таки обрушит она свои громоподобные слова о своем праве лишить дрянного человека жизни. Даже мысленно не допускала возможности вмешивать попов в свои дела личной мести. От этого обюрократившегося учреждения за версту несло демагогией.

В конце концов, Полина выбрала в исповедальники давнишнего, хотя и малознакомого, самого безобидного приятеля, экстрасенса Фаддея Капитоныча. Программиста, свихнувшегося на оккультных науках. Он не имел контактов с ее друзьями и не мог быть источником сплетен на работе.

И вот дело сделано. Позор ее озвучен, блокада страха прорвана...

Но первая попытка не удалась. Фадей Капитонович попросту "сдрейфил". Испуг экстрасенса покорибл ее. Ей стало стыдно за себя.

Вторую попытку она смогла сделать лишь через два дня.

– Фадей Капитонович, ради бога... Простите меня... Скажите честно, убийца может рассчитывать на внимание экстрасенса? – Слово в слово скороговоркой повторила Каравайникова давно заготовленную фразу.

На этот раз Каравайникова была уверена, что не дрогнет, снова ощутив в голосе бедняги неподдельный ужас. Но уверенности ее хватило лишь на несколько секунд.

– Вы, убийца? Не понял! Кто вы? – Выкрикнул Фадей Капитонович и задохнулся от возмущения.

"Трус! Какой же он все-таки трус!"

Ноги стали ватными, Полина мешком свалилась в кресло и прижала трубку телефона к сердцу. Озвученное несчастье стало еще тяжелее.

– Кого вы убили? За что?... Нет, нет и нет! Я не желаю с вами разговаривать!

Закашлялся и осекся экстрасенс...

И, как и в первую попытку, Каравайникова одеревеневшей рукой опустила трубку телефона на рычаг. Прорыв сквозь блокаду страха захлебнулся, едва начавшись. Полина чувствовала себя злоумышленником, заложившим бомбу под дверь совершенно невинного человека.

Никогда прежде такой паники Полина не испытывала. Она гордилась тем, что знакомые считали ее волевой, рассудительной, даже суховатой женщиной. Да, действительно, она давно уже не подвластна бесчисленным житейским тревоблениям, от которых семейные бабы "сходят с ума". Все обычные бабские заморочки рассудок Полины немедленно брал – под контроль, и не позволял разной чепухе портить ей жизнь.

Перспективу прожить жизнь одинокой старой девой Полина приняла как должное. Приняла и запретила себе рассуждать сама с собой на эту тему. Давно приняла. Не металась по врачам, по ворожейкам, как обиняками мягко советовала мама. Зачем? Чтобы понять, – за что Господь создал ее такой ущербной. А что тут понимать? Что это даст? Ну, зачем пустые хлопоты, если мужчина не привносил в мир ее чувств ничего значительного, а тем более – интересного?

Каравайникова не оспаривала злую волю природы, потому что в душе была глубоко верующей. Верующей, но не религиозной. На свой манер верующей была. Полина спокойно верила в себя, как иные слабовольные бабы верили в Господа Бога. Каравайникова верила, что она и со своим уродством – ничуть не лучше, и ничуть не хуже всех остальных женщин. И это закалило ее характер. Полина была со всеми равна, хотя порой своей невозмутимостью доводила подруг и начальство до белого каления.

Женщины чему только не завидуют. Коллеги женского пола завидовали даже тому, что Полина хорошо ужилась со своей обреченностью на одиночество. Даже солидные, семейные матроны закипали от того, что "эта" Каравайникова никого из противоположного пола не желала, никого не ревновала. Да, да, да! Она категорически не страдала из-за эгоизма мужиков, обнаруживая в женщинах чувственного эгоизма не меньше. Подумаешь, беда какая! Да сам половой инстинкт влечения – квинтэссенция эгоизма. В этом человек никогда не возвысится над животным. Полина даже гордилась, что была независима от животного эгоизма и собственной похоти.

Подругам бесполезно было жаловаться Полине на " беспросветную женскую долю". Кухня, стирка, пудовые сумки с рынка все это было и в жизни Каравайниковой. И если не заикливаться на этих трех китах семьи – то и повода для нытья не будет.

Полина не скрывала, что тяготится семейными дрызгами подруг, которые с таким ожесточением выносились на всеобщее обсуждение. И все из-за вечной нехватки жалости со стороны и преизбытка собственной жалости к себе. Ну, прямо как наркотик действует на женщину дефицит жалости.

"Ну и что!? – возмущалась Полина. – И меня никто не жалеет, не балует поблажками, разными там одолжениями, цветочками, шоколадками. Я же не стону". Намеки на противоестественное бездушие, от которых не смогли удержаться даже близкие люди, отскакивали от Каравайниковой, как шальные пули от хорошей брони.

И все потому, что сумела Полина убедить себя: чем глубже прячешь в себе переживания, тем легче они зарастают могильной травой забвения. Никто не мешает и другим женщинам последовать ее примеру. А! Для этого надо мозги напрячь немного? Лень напрягаться? Ну, так и не скули.

Даже в этом Каравайникова была не похожа на обычных женщин. Обычные женщины считали: лучший способ утихомирить собственные страсти – выплеснуть свое негодование в окружающий мир... "Как неряхи выплескивают помои куда ни попадя". – Иронизировала Полина.

Нет, нельзя сказать, чтобы Каравайникова совсем не испытывала огорчений. Чего уж там, случались, случались такие минуты слабости. Но причиной этих мелких недоразумений была не странность ее сексуальной ориентации. Причиной тому были не кухонные дрызги. Донимали ее, порой, косые взгляды, шепоток за спиной дворовых сплетниц.

Понятно, глупые люди нетерпимы к тому, что выше их понимания. Вот и подозревают "Невесту Бога" во всех сексуальных извращениях, доступных испорченному воображению. Иначе как можно обходиться без мужика? Но какие могут быть у старой девушки извращения, ежели она в сексе вообще не имела никакой ориентации. Не была нормально сориентированной на зависимость от мужика, но не была и лесбиянкой, не пользовалась мастурбатором, и не испытывала нежных чувств к овчаркам.

Но вот и в ее жизнь по-хамски вломился мужик. Нагадил в душу и был таков...

Как только и ее по-настоящему клюнул "жареный петух" – от знаменитой невозмутимости Полины и следа не осталось.

Сегодня, в день задержанной на два месяца полочки, когда в институте царил праздничное оживление, когда быстро дряхлеющий организм полунисценского коллектива, наконец, получил в свои вены живительное вливание, Полина чувствовала себя особенно скверно. То, что она давно привыкла не замечать, все эти думские политические бури в стакане воды, бесконечное разоблачение ворья на государственном уровне, стоны пенсионеров, – все это сегодня лезло в уши, в глаза, в душу и раздражало ее несносно.

Ее все сегодня раздражало. И счастливые лица женщин, первым делом накупивших конфет и бананов. И дорогие американские сигареты в руках кандидатов и докторов наук, давно перешедших на плебейскую овальную Приму, на Яву дукатскую в мягкой пачке.

Люди умели жить, умели радоваться даже незначительной радости. И это жизнь? И этой жизни по доброте души желают ей нормальные женщины? Это же не жизнь, это же полу скотское выживание. За этот вот униженный мир она так цепляется? Эти вот радости удерживают ее на краю жизни и почти месяц, не дают окончательно определиться: жить или не жить?

ВЫ только посмотрите, ожидавшая разоблачения предательница Жанна, испорченная девчонка, и та вострепелась. Наскребла на заветный косячок, накурилась травки всласть и более не боится гнева преданной начальницы. Надо же, в ее отстраненном взгляде появилось такое умиротворение, словно счастливее ее нет девчонки во всей столице. Счастливая идиотка.

Вот, пожалуйста, за пончиками не сходила сегодня. По всему отделу воняет растворителем для лака. Так и есть, ногти красит. Ну, почему она на работе красит ногти именно на ногах? Ну, почему?.. Ведь она собирается стать ученым...

Полина собралась выскочить из кабинета и сделать вульгарной девице втык, но не выскочила. От ненависти она оцепенела.

Вот, только этого не хватало. Включила радиотрансляцию... Упивается козлотоническим пением доморощенной группы с названием препарата для борьбы с тараканами. Фанерная перегородка аж ходуном ходит, хотя Полина запретила включать радио в рабочее время. Бедлам! Да в этом бедламе только идиоты и могут выжить, у них и так уже все сдвинуто набок. "Крыша поехала", как метко заметила Варвара.

Как же она ненавидела сегодня эту трагикомедию. Ненависть стала нестерпима. Полина едва дождалась конца рабочего дня. С порога, не снимая обуви, по зеркальному паркету, протопала на кухню. Порылась в коробке со столовым серебром. В коробке не было ни одного ножа с заостренным концом. Схватила вилку и пошла переодеваться в джинсовый костюм, в котором имела обыкновение прогуливаться по городским паркам и бульварам. Теперь она знала как поступить со своей ненавистью, марающей душу липкой грязью. Ненависть нужно выплеснуть... Так учит опыт "нормальных баб".

Каравайникова уже была готова к выходу на охоту за негодяем, когда сообразила, что скоро совсем стемнеет. Жаль. Завтра она может растерять свою решимость.

Каравайникова разделась, накормила домочадцев и легла в холодную постель. Теперь даже привычный холод одинокой постели был особенным. На все наложил отпечаток мужчины, случайно мелькнувший в ее тихой, самодостаточной жизни...

Но сон, как повелось в последние недели, не шел.

"Ничто так не истощает, как ненависть". – Подумала Каравайникова и снова натянула шелковый халат.

Лиловый натуральный шелк струился в ее шершавых руках как змей-искуситель. Ласковые прикосновения шелка были единственными известными ей посторонними прикосновениями к ее обнаженному телу. Когда-то она очень любила эти шаловливые, но целомудренные прикосновения. Тело с удовольствием на них отзывалось, особенно соски больших твердых грудей. Но теперь привыкла к эротическим играм шелка. Текучий шелк больше не волновал. Как не волновал вопрос, почему природа ей, явно фригидной особе, подарил такие обильные груди. Это лишь подчеркивало противоестественность ее натуры.

Предстоящая ночь снова обещала стать ареной ее борьбы со своими заморочками. Безуспешной борьбы. Каравайникова побродила по квартире. Все четыре комнаты были полны вещей и запахов прошлого. Прошлого ее дворянского рода, так бесславно кончавшегося на ней, оказавшейся последним бесплодным побегом геральдического древа.

Полина признавала свою вину перед предками, но не в силах была искупить вину. Так пожелал Всевышний. Не очень-то мудрое решение. Не переломить его смутную волю слабой фригидной девственнице.

Современность не проникала в комнаты, как не проникала пыль в старинные книжные шкафы из целикового мореного дуба. Полина осмотрела ряды кожаных корешков старинных книг. Поколебавшись, вытащила дореволюционное издание Евангелия от Луки.

Она трепетала перед пожелтевшими текстами с "ятями". Только с ними Евангелие выглядело настоящим и его банальные теперь истины – сокровенными.

Затаив дыхание, Полина разломила слежавшиеся страницы. Пахнуло кислой затхлостью ломкой бумаги и сафьяна. Она любила солидную древность томов больше чем их добропорядочные тексты. Вот с такой же солидностью отставший от жизни старик-профессор изрекает обещавшие благоглупости. Может быть, уродство ей было ниспослано Небесами именно за то, что она была слишком современной для своих антикварных книг...

Евангелие открылось на Главе пятнадцатой. Первый Стих в переложении на современный русский гласил:

"И приходили к Нему многие мытари и грешники, чтобы послушать Его".

"Вот тебе и пророчество. – Вздохнула с усмешкой Каравайникова. – И мне приспичило "придти". Только не к Богу"... Ха! К Фаддей Капитоновичу. Это невыносимо. Каждый шаг, каждая мысль, каждое преступление мое предопределено. Что бы я ни замыслила сотворить, – все давно известно. На все даны мне ответы. Предсказаны специально для меня все последствия моих безумных намерений, но я ничего о них не знаю. Даже где искать эти откровения – не знаю. Но меня это не остановит. "Мне отмщение и аз воздам".

Из книги выпала закладка. Костистая оберточная бумага революционных лет. Чуть дрожащим почерком, очень похожим на классическую каллиграфию отца, вылинявшими фиолетовыми чернилами было неспешно выведено. Не для потомков, для собственной ежедневной памяти:

"Душа моя была во мне, как дитя, отнятое от груди".

Буквами помельче, поспешнее, – приписка:

"Псалом СХХХ".

Полина поместила клочок памяти о деде Георгии Георгиевиче под стекло на своем рабочем столе. Евангелие, кажется, начинает открывать свои откровения. Полина устроилась в кожаном кресле отца, закрыла Евангелие и тут же снова открыла наугад, надеясь на новый сюрприз. Но ничего удивительного по своей мистической многозначительности более не случилось. Просто она слишком редко заглядывает в дедовские книги и потому преувеличила значение выпавшей из тома закладки.

Захлопнув евангелие, Полина набрала номер Фаддей Капитоновича. Это получилось как-то буднично. Все-таки он экстрасенс, что-то наподобие доктора. А доктор обязан хранить тайну, распирающую душу занемогшего пациента.

– Фаддей Капитонович, это снова я...

– Да что же это такое! Ночь на дворе! Мочи моей нет! Что вам от меня надо!? Звоните в милицию! Немедленно позвоните 09 и честно сознайтесь в своем преступлении!

Экстрасенс замер, соображая в панике, чем рискует, ввязываясь в неуместную дискуссию с убийцей.

Полина надеялась, что собеседник психанет, бросит трубку и тем возьмет на себя вину за несостоявшуюся исповедь будущего душегуба. Дыхание перехватило. Полина с трудом сделала несколько глотательных движений. Еще секунда и последний шанс избежать смертоубийства будет утрачен.

– Женщина, вы меня слышите? – Часто дыша, проговорил экстрасенс шепотом.

Полина все не могла проглотить комок, закупоривший горло.

– Учтите, явка с повинной смягчает наказание... Вы слышите меня?

Полина почувствовала свое превосходство. Она наслаждается чужой паникой. Фаддей Капитонович лопотал как нашкодивший мальчишка. Разве это мужчина?

Полина покосилась на антикварную зеркальную горку с золоченым сервизом на двенадцать персон, на правах старинного друга дома, высокомерно наблюдавшую за хозяйкой. Сквозь изморозь наследственного хрусталя в зеркале задней стенки маячило расчлененное отражение ее съежившегося от ехидства лица...

"Как плохо я себя знала. Не зря меня подозревают в извращенности. Это уже пахнет садизмом. Значит, я не такая уж хлипкая, как себе казалась... Стало быть, и на убийство я гожусь".

Полина знала, со слов подруги детства Клариссы Закревской, что Фаддей Капитонович – сентиментальный влюбленный тюфяк, а теперь выяснилось, – он еще и трус. Позвонив трусу, она совершила непростительную ошибку... А может быть, она позвонила, чтобы насладиться страхом Мужчины? Покрасоваться своей жестокостью перед Особью Сильного Пола? Стало быть, не такой уж этот Пол и Сильный?"

"И я дрянь порядочная?" – Бросила Полина своему отражению в зеркале.

– Уважаемая, ну что ж вы молчите? Поймите меня правильно! Я понимаю, вам тяжело, но я не обслуживаю уголовников, пожелавших облегчить душу.

– Я понимаю, я не одна такая. – Вдумчиво заговорила Полина, с трудом преодолевая отвращение к трусу.

– Вот и славно, – вкрадчиво вставил экстрасенс, надеясь, что к звонившей идиотке начало возвращаться благоразумие.

– Я не первая и не последняя... Каждая женщина должна быть готова однажды нарваться... Но...

"Какой же, все-таки, скрипучий голос у меня. – Подумала Полина. – Настоящая мегера, притворившаяся голубкой сизокрылой. Если сейчас резко порвать отношения, колдун может пустить в ход свою магию и все испортит. Нужно притвориться смиренной овечкой, поддакивать колдуну".

– Но дело не во мне... – мягко заметила Полина. – Я растерялась, я не вижу, кто, кроме меня, может наказать негодяя...

– Абсурд! Человеку не дано право казнить и миловать. Это право принадлежит Космическому Разуму, который мы по простоте своей называем Господом Богом. Не сомневайтесь, негодяй от возмездия не уйдет и без вашего вмешательства в дела Вселенной.

– Это я слыхала. Но что мне делать, если я не верю в потусторонние силы и в потустороннюю справедливость. Вернее, я боюсь, что жизни моей не хватит. Не увижу я как осуществится возмездие. – Просительным голосом пробубнила Каравайникова. – Да и есть ли та Гиена огненная, обязанная устрашать грешников при жизни. Чтобы ее бояться. Надо быть хоть чуточку верующим, чтобы бояться небесной кары на Том свете. А какие из негодяев верующие...

– Но это уж слишком. Слишком по-женски. Но мы с вами не на торжище: утром деньги, – вечером стулья.

– От немилости Бога так легко откупиться... Да тем же покаянием. Вы предлагаете мне представить, как негодяй отправится в церковь, хорошенько покается, может быть, что-то пожертвует, и получит отпущение грехов?

– А как же иначе!? Конечно же, получит отпущение. Такова высшая тайна христианского милосердия. – Невозмутимо парировал Фаддей Капитонович доводы Каравайниковой.

– Да как так можно! Фаддей Капитонович! Разве может быть всепрощение справедливым!? Вы почитайте Библию повнимательнее! По божьим заповедям простить раскаявшегося грешника, точнее – раскаявшегося преступника может только тот кто от преступника пострадал. Жертва только может простить, а не Закон, не люди!

– Даже так!? – Опешил экстрасенс.

– Да, именно так! – Все больше горячилась Каравайникова. – Да, Иисус просил Господа простить своих мучителей. Только своих мучителей. Он не просил Господа простить всех дру-

гих негодяев, мучавших других невинных людей. Или мы больше знаем, чем знал Иисус? Мы же своим несправедливым милосердием заменяем Господа, претендуем на роль Господа на земле! Хорошо ли это? Получается, что мы прощаем негодяев, только потому, что нам приятно быть милосердными, так нам спокойнее.

– Господи! Полина Георгиевна! Вы меня совсем запутали! Обязательно еще раз перечту Библию. Понятно, карая, отнимая жизнь у негодяя, мы берем на себя слишком большой груз ответственности. Эту ношу мы будем чувствовать на своих плечах, вернее – на своей душе всю оставшуюся жизнь. А кому хочется иметь столько беспокойства?

– Я понимаю вас. Человек слаб. Но я хочу взять на себя ответственность возмездия. Я, кажется, вынесу этот груз...

– Да полно вам, душечка Полина Георгиевна! – Засмеялся невесело экстрасенс. – Давайте не будем углубляться в теологию. А вы помните притчу о 12 разбойниках и атамане Кудеяре? Чудно поет эту притчу Шаляпин.

– О! Чудесное исполнение. – Поддакнула поспешно Каравайникова. – У меня есть восемь грампластинок Шаляпина.

– Вот и прекрасно. Вы изнемогаете от вашей ненависти. Ненависть вас погубит. Учтите! Никакой вы не мститель. Вы – палач!

– А я вовсе не мщу, – успокаиваясь, проговорила Полина, – я именно карая по праву, данному мне Господом – наказывать или миловать негодяя. А вы прощайте своих обидчиков, если так вам спокойнее. Своих негодяев, а не моих. Кара – дело святое... Святое, но хлопотное уж больно. Послушайте на сон грядущий еще раз притчу о 12 разбойниках и ложитесь-ка вы спать. А утром идите в милицию и расскажите, что вы там натворили. Чужую беду рукой отведу?

– Господи. Какая же вы дерзкая, однако. Прощайте, не звоните мне больше. Я выключу аппарат.

– Минуточку! Я... Я... Если бы я была Богом, я бы не суежилась. Я спокойно, и год, и два, и десять лет ждала бы, когда Судьба накажет мерзавца. Но я не Бог, я простая одинокая, слабая женщина. Я не вынесу ожидания. Под моей ответственностью только моя собственная жизнь. И я защищаю ее так, как по силам слабой женщине. Пусть я рассуждаю как примитивная дура, но у меня нет такого могущества, как у вашего Высшего Разума, чтобы расточать свою щедрость подонкам. Я хочу своими глазами увидеть как Возмездие совершится. В моем конкретном случае. В обозримом будущем и полной мерой. И оставите мне мою ненависть, без нее я как пустой воздушный шарик. Да и не ненависть это. Это жажда справедливости.

– Ну, хорошо, хорошо. – Почти выкрикнул экстрасенс раздраженным голосом. – В крайнем случае, сходите в церковь, пусть они вас исповедуют. И вам тоже отпустят грех душегубства... Я же просто экстрасенс! Поймите меня правильно и не обижайтесь! Справедливость в наше время такая роскошь, что о ней лучше не мечтать. Всего вам наилучшего!

– Фадей Капитоныч... Не бросайте трубку... – Взмолилась Полина, с хрустом ломая свое гордое превосходство над мужчиной, заметно полинявшее за последнюю неделю.

На третью попытку обратиться к окружающим людям за помощью ее уже не хватит.

– Нет, вы скажите! Имеет женщина право на Справедливость?

– Имеет, имеет, – отмахнулся экстрасенс. – Только вот хлопот с этим слишком много...

– Я не пожалею ни сил, ни времени...

– Все, все, уважаемая, прощайте!! Ради всего святого, не впутывайте вы меня! Да, а кто вам дал мой телефон?

– Фадей Капитонович, 09 это справочная. – Заметила Полина не без иронии.

Господи, вот так всегда! Ну, что ж я за ехидна! Погибаю, а ехидство все при мне.

И опять Фадей Капитонович побоялся показаться черствым. Сквозь испуг в его голосе проступило мучительное сочувствие.

– Хватит, уважаемая, надсмехаться. Не хочу вас знать! Я экстрасенс, а не поп! Кладу трубку...

– Я Полина Каравайникова, подруга Клары Закревской.

В трубке что-то булькнуло.

– Господи! Полиночка! – Вскрикнул экстрасенс. – Виноват, – не узнал! Так можно свихнуться... Кого же вы грохнули, несчастная вы моя?

"Ну, что за мужики пошли. Хуже бабы". – Поежилась Полина Каравайникова.

– Увы, еще не грохнула. – Саркастически ухмыльнулась Полина.

– Ангел мой, так вы, в самом деле, еще никого не убили!? Слава тебе, Господи! Да что, собственно, случилось-то, душечка?

– Сегодня, наконец, вот, решила пойти и расправиться с ублюдком, но не чувствую, что от этого мне будет легче.

– Наоборот, будет еще противнее. Кровь можно смыть с рук, но не с души... Умничка, что позвонила. Лапочка моя, не надо на себя наговаривать. Какой из тебя убийца. Ты же – сама кротость. Я-то знаю.

– Я тоже ошибалась на свой счет.

– Полиночка! Перестань меня разыгрывать. Захотелось пощекотать нервы? В конце концов, если душа горит, дай своему обидчику по морде и дело с концом.

Полина рассмеялась горьким смехом

– Вам легко увещевать, Фаддей Капитонович. Вы не знаете подробностей.

– И не хочу знать, моя хорошая. Пройдет минута слабости, ты пожалеешь о своей откровенности и возненавидишь меня за то, что доверила мне свою тайну... Давай лучше останемся друзьями. Сейчас мы что-нибудь придумаем... Э-э-э. Так сказать, все разложим по полочкам... Возможно, выяснится, что убивать-то вашего недруга и не надо. Себе дороже выйдет.

Каравайникова поймала себя на том, что речи экстрасенса целительным бальзамом проливаются на смятенную душу. Полина начинала опасаться, что рациональные доводы увещевателя обезоружат ее. Экстрасенс размягчит ее ожесточившееся сердце, и тогда пропадет решимость совершить возмездие. Она не хотела расстаться со своей решимостью. Она выстрадала свою жестокую решимость. Теперь она нужна была ей как воздух. Возмездие одно теперь стало реальной целью, одно наполняло жизнь смыслом.

– Вы забываете, что у каждого человека есть долг перед Справедливостью! – Сердито выпалила Полина.

– Милая! Вы умная, славная женщина! Существо милосердное! И потом, хватит этих расхожих баек про Справедливость. А то вы не понимаете, что ваша Справедливость – это махровый самосуд. Это американские ковбои придумали Справедливость Расправы. Им нужен повод, чтобы показать себя крутыми парнями.

Это был удар, как говорится, ниже пояса.

– Я не смотрю вестерны. – Напомнила озадаченная Полина.

– А я их изучаю как патологическое явление нашей цивилизации. Цезари предавались оргиям распутства, а эти мордовороты предаются более изощренным оргиям, оргиям произвола под видом борьбы за Справедливость.

Каравайникова потеряла выдержку. Ей захотелось накричать, обозвать болтуна. Получалось, что экстрасенс намеренно упрекал ее в жестокости, хотя она хотела только Справедливости.

"Конкретное человеческое несчастье экстрасенс использовал, чтобы продемонстрировать гуманизм своих моральных убеждений. – Кричал возмущенный рассудок Полины. – Опять этот призрак, опять этот бесхребетный гуманизм, заболтанный краснобаями-теоретиками жизни! Они витают в прекраснотушных грезах, их Справедливость милосердная, но теоретическая, и это прекрасно, когда ты не являешься потерпевшей стороной! Это позволяет бес-

конечно обольщать себя надеждами на лучшее будущее, на смягчение человеческой натуры. Я сама витала, пока меня не опустили на грешную землю. Жестко опустили. Не по своей воле я потеряла прекрасноту, меня насильно превратили в практика жизни и Справедливость моя стала практической Справедливостью. Справедливость взывает к моему сердцу здесь, на земле, загрязненной негодьями".

– Вот уже почти месяц брожу по городу как... грязная мразь. Я стала бояться людей. Я больше не чувствую себя порядочной женщиной! Каждый может схватить за руку, затащить куда-то... Это невыносимо! Если я не найду этого мужчину, я сойду с ума. Я должна его выследить! Не могу и не хочу терпеть унижение всю оставшуюся жизнь. Но самое тяжелое, нет во мне прежнего равновесия. Меня раздражает борьба души и сердца. Душа плачет, умоляет смириться, а сердце требует действовать, действовать, действовать...

– Я вас понимаю. Душа живое существо, в нас она как плод в чреве беременной женщины. Мы навечно беременны душой.

– Душа во мне как нечто постороннее. Она только осуждает, осуждает... Не знаю кого слушать... Вы помните Тиля Уленшпигеля? "Пепел Клааса стучит в мое сердце"?

– Это же средневековые, дикари! Предраассветные Сумерки Цивилизации. Возмутительно, понимаешь ли! Это же надо! Кровь проливается ради торжества Справедливости кулачного права. Вы хотите вернуться в джунгли, к приматам!? Хватит шуток! Хватит крови!

С каждым словом экстрасенса взвинчивал голос. В нем прорезался мальчишеский дискант. Его удивляло, как это умная женщина не может понять таких простых истин. Ему было невдомек, что отчаявшаяся женщина своенравно не желала понимать этих прописных истин, что несчастная и жила только благодаря подпитки энергией ненависти.

– Я не шучу, уважаемый доброхот! – Заорала Каравайникова – Начните вашу проповедь с подонка!

Экстрасенс понял, что увлекся. Он помолчал немного, и голос его снова стал вкрадчиво проникновенным.

– Лапочка вы моя! С ее суровым требованием – пускать кровь негодяев, ваша метафизическая Справедливость жестока до крайности. Ваша Справедливость насилия не порождает мира. Это жалкий способ оправдать мордобой на экране. Не переносите самосуд прерий с экрана в реальность.

– Не забудьте сказать, что моя Справедливость порождает ответную волну жестокости. И простите мой истерический крик.

– Не огорчайтесь, я сам виноват. Я хочу сказать, – вы, Поляночка, не победите, если не будете сражаться с негодяем на равных, не будете использовать его подлые приемы и методы борьбы. Вам придется слишком многое перешагнуть в душе, чтобы стать на одну доску со своим обидчиком. Вы не сможете бороться, находясь с негодяем по разные стороны баррикады. Вам придется бороться на одной стороне, на его стороне, бороться без благородных правил дуэли, применять самое гнусное оружие – коварство и притворство.

– Я не боюсь. Мое дело правое. – Перебила Каравайникова досадующего собеседника.

– Вранье, моя дорогая. Вы боитесь и будете бояться своей Справедливости до самой смерти. Справедливость вам не помощница, она использует вас и бросит в самую трудную минуту. В минуту раскаяния.

– Ну и пусть! – Отчаянно храбрилась Каравайникова.

– Глупо! Глупо! После убийства человек не может оставаться человеком. Это выше человеческих сил. Нельзя стать убийцей на время, на время мести, а потом вернуть себе самоуважение, снова стать нормальным человеком. Кровопролитие заразительно. Убийство – болезнь. Вы никогда не выздоровеете.

Фаддей Капитонович был до отвращения прав. Правота его была такой очевидной, что только кретин мог оспаривать ее. Это обижало. Полина молчала. Молчал и экстрасенс, видимо, наслаждаясь разрушительным процессом его увещаний, ломающих волю женщины.

– Ладно. – Устало проговорила Полина. – Вы правы. Я сдаюсь. Выбора у меня нет. Своим вегетарианским чистоплюйством вы толкаете меня на самоубийство... Это более гуманный способ решить мои затруднения. Не так ли? – Невнятно пробормотала Полина свой последний козырь.

Фаддей Капитонович пропустил мимо ушей бормотание Полины. Мало ли что скажет кровожадная идиотка, чтобы оправдать свою свирепую страсть к насилию. Пожалуй, он считал, что лучше бы его знакомая идиотка совершила самоубийство, вместо того, чтобы унижать свое человеческое достоинство, пресекая чужую жизнь. Неважно в какой по качеству оболочке эта ничтожная жизнь теплится.

Каравайникова закусила губу. Убийство действительно изменит всю ее жизнь. Но иного способа утешить разбитое сердце – не было. Да что там темнить! Бедное сердце жаждало крови негодяя. Меньшим утешиться оно уже не могло. Так велико было причиненное негодяем горе, так велико было отчаяние.

"И я убью его". – Спокойно подумала Полина.

Пора заканчивать пустые препирательства с идеалистом.

Все, на что рассчитывала Полина, она получила. Она ожидала возражений, она желала возражений, она их получила. Уверенность в своей правоте, кажется, только окрепла. Хорошо бы Фаддей переломил ее упрямство, но он слабак. Расхожие возражения бедняги экстрасенса лишь закалили ее мяконькую решимость. Теперь она обладала стальной уверенностью: появился шанс взять себя в руки, покончить с колебаниями, самоубийства она не допустит. Придется смириться и послужить Справедливости в последний раз.

Полина собиралась проститься с тьюфом-моралистом, умиравшим от жалости к человечеству на другом конце провода, но трубка ожила.

– Душечка, если хотите, я приеду. Побуду с вами, а то не дай бог натворите вы беды. Где вы живете?

– Нет, нет! – Спыхватила Каравайникова.

– Тогда поезжайте к сестре. Пообщайтесь с племянницей. Это выдающееся по красоте созданище. Пообщайтесь и красота смягчит вас. В такую минуту вам опасно оставаться в одиночестве. Может случиться непоправимое.

– Не смешите мои косички, дорогой мэтр. Я не сумасшедшая, чтобы надзирать за мной. Может быть, вам хочется вызвать для меня психушку? Извините, шучу. Спасибо вам на добром слове. Вы настоящий друг. Ваша проповедь укрепили мой дух. Дальше я пойду сама, одна, без духовного поводыря. Пойду до конца. Вы хорошо исполнили свой долг, я исполню свой.

– Бедная вы моя! Сколько в вас ярости. Кларочка считала вас созданием с другой планеты... Кстати, куда пропала Клара? Клара уехала на море и обещала ко мне вернуться... Она клялась мне... – Снова заволновался Фаддей Капитонович, вспомнив о своем неудавшемся романе с Закревской.

– А Клара вышла замуж...

– Бог мой! Как же так! Невероятно!

Судя по быстро увядающему голосу, удивление на том конце провода мучительно перерождалось в ужас прозрения.

– Фаддей Капитонович, так вы не знали? Простите, что огорчила вас...

– Полиночка, ради бога, не бросайте трубку. Дайте высморкаюсь... Что ж это такое, я плачу. Старый пень... Вы же знаете, как я любил Кларочку... Я плачу...

Голос Фаддей Капитоновича начинал слабонервно подрагивать. Какой все-таки, Фаддей Капитонович эгоист... Ему самому нужно утешение.

– Извините. Нашелся, наконец, платок... Я сейчас. – Бормотал Фаддей Капитонович, успокаиваясь так же быстро, как и рассопливился.

Полина, поспешила положить трубку на телефонный аппарат.

Что? Ну, что оставалось делать красивой ядреной бабе? Что Клара могла обещать бедному и совсем немолодому любовнику, не способному по современному использовать даже свой редкий природный дар ясновидения? Да, он добрый мужчина, внимательный и ласковый в постели, ну, и что? А жить с ним как? Ютиться на птичьих правах в чужой квартире Кларе не позволяет женская гордость? Она же слишком красивая, чтобы жить в однокомнатной квартире! После пятнадцати лет барской жизни за спиной секретаря обкома, такая жизнь Кларе казалась слишком. Убогой!

Ах, Кларка, Кларка... Шлындала по заграницам только так, якшалась с фарцовщиками и докатилась до того что стала приторговывать наркотой. Что эта засранка может обещать слабохарактерному, но порядочному мужику, живущему на зарплату рядового инженера, да к тому же лишенного коммерческого дара? Да и в любовницы, дура, пошла из одной благодарности. На радостях. Экстрасенс, избавил ее от заразы, подхваченной в тюрьме от скотоподобного контролера.

Надо что-то предпринимать. Если до разговора с экстрасенсом Полина еще подумывала сообщить о нападении в милицию, то теперь этот, законопослушный, вариант возмездия был для нее совершенно не приемлем.

Если мумукания Фаддей Капитоновича были противны, то можно себе представить что придется пережить, когда мильтоны возьмутся ворошить ее грязное белье. Эти гады потребуют рассказать со всеми подробностями как все происходило. Они будут смаковать мое унижение, нарочно переспрашивать, уточнять. А когда эти кобели узнают, что я была девственницей... Представляю, как они будут ржать. Нет! Ни за что не пойду к этим, как их в народе называют, к ментам... Сама виновата, что растерялась, не дала отпор, даже не заорала от стыда, сама виновата, сама и покараю убудка.

После разговора с экстрасенсом, заснула Полина на удивление быстро. Выспалась, впервые за три бессонных недели, – на славу. Даже приободрилась. Но стоило придти в институт, страх снова вернулся.

На работе Каравайникова долго ломала голову, есть или нет у Фаддей Капитоновича ее служебный или домашний телефон. Содрогаясь от возмущения, поднимала трубку при каждом звонке. Но пронесло. На работу заинтригованный экстрасенс не позвонил.

План на вечер был рассчитан по минутам. Домой Каравайникова чуть ли не бежала. Полина отменила обычную вечернюю пешеходную прогулку. Страшась, что Фаддей Капитонович позвонит домой и перехватит ее на пороге, Каравайникова схватила ветровку, косынку и выбежала из квартиры. Оделась на лестничной площадке, прислонила ухо к двери. Фаддей Капитонович не позвонил и домой. А Кларка расхваливала экстрасенса за удивительную сердечность. Ну, и эгоисты же эти мужики. Баба идет на убийство, а ему плевать, плачет об этой лживой, пресыщенной Кларке...

Это был первый день ее охоты. Для начала Каравайникова решила еще раз побывать в том самом месте, где все "это" случилось.

Как ни страшны были воспоминания, место трагедии манило Полину все определеннее. Крепла ненависть, а с нею крепла и притягательность места преступления. Получалось, известное по детективным романам притяжение к месту преступления испытывают не одни преступники, но их жертвы тоже.

Что-то не слыхала она прежде об этой мании жертвы... Может быть, это говорило о том, что в ней действительно, открылось некое извращение... Ну, да начхать! Вдруг, посмотрев на роковое место, я просто успокоюсь, выкину свои переживания из головы и буду жить себе дальше, как жила. Одинокой, никому не нужной, но спокойной.

Нападение ублюдка произошло недалеко от дома Каравайниковой. На краю Измайловского лесного массива. На 16 – й Парковой. Одна остановка метро и три остановки трамваем. Сходя с трамвая на конечной остановке, Полина почувствовала головокружение. Ноги не желали повиноваться напору ее ненависти. Она запнулась на ступеньке, упала, порвала джинсы, расшибла коленку.

Каравайникову подняли, предложили вызвать неотложку... Полина мычала в ответ что-то бессвязное. Она тупо отказывалась от последней возможности на машине скорой помощи бежать, бежать с проклятого места и никогда больше сюда не возвращаться.

Ненависть уже была сильнее пережитого на этом месте унижения. Раз уж решилась на первый шаг и приехала на разведку, то нужно хотя бы спокойно все обследовать. И улицу, и "тот" дом. Спокойно осмотреть место преступления и окончательно примириться с тем, чего не исправишь. Может быть, паразит живет поблизости. Не будет же он охотиться в чужом районе, где не знает заранее куда тащить свою жертву...

Да нет, наоборот, он приезжает издалека. Даже волк знает, что охотиться нужно подальше от собственного логова. Хорошо изучил окраинный район 16-й Парковой и пасется. Только вот пасется ли и теперь? Если маньяк не совсем свихнулся, он сменит место охоты... Обязательно сменит, хотя бы на какое-то время. Поэтому мне нужно торопиться. Как жалко, что потеряно три с лишним недели.

Полина, сильно хромая, доковыляла до скамейки под навесом конечной трамвайной остановки. Засучила порчину, осмотрела рану. Ссадина серьезная. Кровь промочила джинсы насквозь. Какая тут охота. Домой нужно возвращаться, промыть рану марганцовкой и забинтовать. Она поплевала на носовой платок, протерла рану... Боль терпимая. Обмотала тем же платком коленку. Прошлась взад-вперед. Сойдет. Нельзя тянуть резину. И двинулась по тропе войны в глубь темного квартала.

Так появится тут маньяк или не появится? Вообще-то, чтобы хорошо ориентироваться в чужом районе, ему пришлось потратить немало времени, на доскональное изучение дворов, проходов и проездов. Так что, часто менять место охоты – дело хлопотное. Стало быть, скорее всего охотник пока продолжает возвращаться сюда. На свою беду... Разве что, есть у него на примете и другие подвалы.

Через полчаса Полина в точности повторила свой маршрут в тот злополучный день 18 августа. До конца дней своих она будет помнить этот мрачный квартал. Каждая тропинка врезалась в память намертво.

Вернувшись на трамвайную остановку, Каравайникова перевела дух. Слава тебе, господи, на первый раз пронесло. Какая же она, все-таки, трусиха. Сердце-то как колотится...

Господи, как же хорошо стало на душе у Полины. Первый блин, против обыкновения, не вышел комом. Страх отступал и все четче становились ожидающие трудности. Трудностей тоже не надо бояться, трудности нужно разрешать. НЕ суется, обстоятельно.

"Пожалуй, первым делом нужно вспомнить морду негодяя" – подумала Полина и поморщилась. – И вот что еще, милочка. Довольно про себя оскорблять словами своего противника. Не морду тебе следует вспомнить, а лицо противника. Грубостью делу не поможешь. Грубость лишь ненадолго снимает стресс. Злость будет только пережигать сталь моей решимости. И сталь размягчится. Поменьше, дорогуша, эмоций. К врагу нужно относиться по-деловому, спокойно, разумно, и тогда рука не дрогнет. Чем сто раз поклясться задушить гада своими руками, лучше один раз это сделать.

"Фоторобот врага нужно сегодня же подробно описать на бумаге. А то память слишком торопится стереть эту образину. Виновата, это лицо".

Когда снова нахлынули воспоминания, Каравайникова уже не трепетала так, как в первые дни, она уже не боялась и почти не стыдилась безобразных подробностей нападения маньяка.

Лучше всего запомнилось произошедшее "до того". Несколько последних минут цепящего ужаса полной незащитности... Что-то острое... Жало, проникающее сквозь куртку... Наверное, шило... Лицо не уродливое, скорее симпатичное, изуродованное страдальческой гримасой какой-то внутренней боли... Что его грызло изнутри? Страх? Нет, что-то еще более страшное, страшнее страха. Да, Он тоже боялся. Он боялся своей жертвы. Наверное, из робкого десятка. Но жертву Он боялся, похоже, меньше, чем то Нечто, что грызло его изнутри. Ха! Он же маньяк! Он зомби своей болезни...

"Так недолго и посочувствовать негодяю. Т.е бедняге. Еще чего не хватало". – Подумала, Полина.

Так и не удалось вспомнить, какая нелегкая занесла ее в это гиблое место на 16 парковой. Что она искала тут в магазинах, которые обошла в день нападения? Почему пошла по магазинам, не с предыдущей, скажем, остановки в сторону конечной, а, наоборот, с конечной в сторону своего дома?

Если хотела прогуляться в Измайловском парке, почему не поехала в Детский городок, с его знаменитыми деревянными скульптурами, куда так любила ездить по выходным. Да и понедельник был 18 августа. На работу почему-то не пошла. Хотя нет, ушла пораньше из института... Но с какой целью? Какое-то наваждение...

Вдоль улицы тянулась окраина парка. Не ухоженная как следует окраина. Сзади старого дома жалкий сквер, тоже запущенный. Не сквер, – так, беспорядочные заросли клена и жимолости. Утрамбованная до каменной твердости черная земля. Вроде бы, тут где-то стояла зардевшаяся рябина, а теперь нет рябины... Или рябину она видела где-то в другом месте? Чертовщина какая-то.

Подъезды дома выходят на улицу. Тоже странно. Первый этаж какой-то мрачный, окна забраны решетками. Наверное, не жилой... И номер у дома подозрительный – 7.

А с внутренней стороны дома номер семь, куда не то что люди, солнце не заглядывает – "та самая", обитая ржавым железом дверь. А за дверью – преисподняя... Душная, зловонная темнота и ужас, ужас, ужас...

Полина собралась с духом и завернула за угол мрачного дома. Уговорила себя только издали взглянуть на дверь в преисподнюю, но неведомая сила поманила, повела...

Вот она, выщербленная лестница... Семь ступенек в "Тот" подвал... Вот она "та" темнота, "та" тишина, "то" удушье...

Ноги Полины снова подкосились. Она схватилась за осклизлую стену... От омерзения воспрянула духом, резко развернулась и, вихляя на каблуках, побежала на трамвайную остановку.

"Никогда, никогда больше ноги моей здесь не будет". – Барабанило сердце в тесной для него груди.

– Будь ты проклят, негодяй! – Яростно прошептала Каравайникова себе под нос и плюхнулась в пластмассовое сиденье.

Сзади сильная рука стиснула плечо Полины.

– Ты чо, бочку катишь, коза? А ну, кошелка, повтори свой базар!

Хорошо, двери трамвая еще не схлопнулись. Полина рванулась из рук хама и пулей вылетела из вагона...

До метро шла пешком, уговаривая сердце сбросить бешеные обороты. Остановка была пуста. В десяти метрах от остановки, у дверей ресторана, двое стриженных парней что-то требовали от раскрашенных проституток. Ночные бабочки угрожали парням. Какой-то сутенер Радик должен был с минуты на минуту нарисоваться в ресторане и тогда парням поотрывают "бошки".

Окончательно чувство безопасности вернулось к Полине, когда она прошмыгнула в пустой вагон, и гремучий трамвай тронулся. Водителем вагона была молоденькая девица. Лихачка. Высекая колесами снопы искр, вагон завизжал на крутом повороте и помчал охотницу к дому. А дома ее ждала большая кружка крепкого, горячего кофе со сливками.

Полина проехала свою остановку. Спихватилась. Помахала перед глазами, словно мошек отгоняла. Она так резко вскочила с сиденья, что стоявший рядом пьянящий мужик отшатнулся и повалился на колени пожилой даме с огромным букетом черных бархатных роз. Дама охнула, но не стала блажить. Отодвинулась к окну, погрузила тонкий острый носик в букет и без остатка ушла в свои ощущения, не досягаемая для хамства. Руки Полины так тряслись, что, открывая замок квартиры, она надломил ключ. Раздевшись в прихожей донога, словно боясь занести какую-то заразу, Полина скользнула в ванную, открыла краны на всю мощь.

Горячая вода еле сочилась из душа. Сотрясаясь от нервного озноба, Полина смотрела, как наполняется ванна, и не без иронии отмечала, что во второй раз пережитый в подвале страх был заметно слабее. Страх уже подчинялся ее воле. Лишь на короткое время поколебал страх ее решимость отомстить мерзавцу. Само собой, она все равно будет бояться того нечистого. Будет бояться, и готовить свою месть.

Согревшись в горячей ванне, замочив для внеплановой стирки ветровку, блузку, джинсы и нижнее белье, Полина снова позвонила Фаддей Капитоновичу. Хотелось рассказать какая она смелая, но экстрасенс повел разговор совсем в другом русле.

– Полина!? Наконец-то! У меня же нет вашего телефона. Перерыл все свои записные книжки, – нет и все тут, ни домашнего, ни служебного. А ведь был... Я хорошо помню, что был... Сiju, как прикованный, у телефона, жду, жду. Где вы пропадали целые сутки?

"Боже, как это редко бывает, что о тебе кто-то беспокоится. Как это приятно". – Подумала Каравайникова.

– Вы не поверите, но я приступила к осуществлению своего плана Возмездия. – Не без вызова сообщила Полина.

– Голубушка, да вы с ума сошли! Расскажите же, наконец, немедленно расскажите, кого же вы собрались отправить на тот свет. И за что?

– Я... Поздно меня останавливать... – Прерывисто выдохнула Каравайникова в трубку. – Я, правда, боролась с собой. Ей богу, я долго боролась с ненавистью. Но никто не захотел мне помочь. Даже вы не пожелали выслушать меня... А я так нуждалась в ваших советах. Но теперь поздно. Это какое-то наваждение. Я не свихнулась, нет... Но мне постоянно хочется плакать... И жаловаться, и жаловаться на эту проклятую жизнь, которая одних превращает в негодяев, а других вынуждает стать убийцей негодяев. Нет больше моих сил... Меня раздрают противоречия. Душа ненавидит во мне жажду мести, а сердце все настойчивее жаждет крови. И нет больше слез, чтобы выплакаться.

Полина быстро зажала носик платочком. Стыдно! Ах, как стыдно! Бабе под сорок, а подружки для слезливых чувство излияний – не завела. Дожила. К мужику кинулась выговориться.

"Все! Не услышит мужик моих слез! Бросаю трубку"! – Психанула Полина.

Прохладный сентябрьский вечер разогнал по домам собачьи и кошачьи компании. Первым в дверь поскребся кот Тришка. На минуту опоздал Тотька. Он сразу же шмыгнул на кухню и ревниво заворчал на более сообразительного кота, уже сидевшего в выжидательной привилегированной позе на стуле у стола. Пора было задергивать ночные шторы и кормить нагулявшихся домочадцев.

Полина подошла к окну на кухне, чтобы закрыть створку и засмотрелась на оранжевое зарево картинно умирающего заката. Не надо было этого делать. Ее сразу же заметил сосед сверху, поэт Николай Шерстобитов, Колян на дворовом сленге.

– Привет! – Помахал рукой Шерстобитов. – Полина Георгиевна, мамочка моя, сейчас забегу "по очень смешному делу". Знакомство никчемное, да и человек Коля какой-то растрепанный, не интересный. Если она проверила однажды орфографию в его рукописи, то это не значило, что они друзья. А вот Колян считал иначе и запросто заявлялся занять на похмелку, когда он был "с бодуна" и у него "горели какие-то трубы".

Шерстобитов сидел в кругу дворовых алкашей и врал что-то забавное. Мужики хором ржали. На столе для любителей домино стояла пустая бутылка. Одна на четверых выпивох. Ох-хо-хо... Коля на этом не остановится.

И точно.

Смешное дело – это пять, десять шуршунчиков, "на два-три дня". По широте своей заводной натуры, смешной должок Шерстобитов возвращал крайне не аккуратно, если совсем не забывал. Полина понимала, что зря балует пьяницу, нашел, у кого занимать, – у нищей интеллигентки. Чувал пьянчужка, что одинокой бабе самолюбие не позволяет напомнить о должках, и пользовался. Понимала Полина нелепость своей щедрости... и продолжала благоволить к шумному поэту. Это было единственное украшение их двора, вытоптанного до самых корней старых кленов. Да и нельзя же так, чтобы тебя никто никогда не смог обмануть. Неприлично доводить себя до такого остервенения.

Полина насыпала обоим любимчикам в миски сухой патентованный корм и обнаружила, что на этот раз ждет визита поэта-пьяницы не без интереса. Как-никак, но Колян – мужчина, и, судя по небрежному обращению с кредиторшей, пользуется у женщин повышенным вниманием.

А интересно было на этот раз Каравайниковой, почему на нее мужская магия веселого Каляна – не действовала совершенно. Ведь что, что, а поболтать с ним от скуки можно было, а вот поди ж ты, – мужик своим запашистым присутствием еще больше нагонял этой самой скуки. Тут явно не хватало какого-то жизненного фермента, ответственного за чувственное брожение в крови. Какого же именно фермента, черт возьми? Неужто фермента похоти?

"О! Боже! До чего же, девушка, стерильна ваша кровушка". – Вздохнула притворно Каравайникова, и пошла к зеркалу поправить прическу перед приходом гостя.

А ведь раньше никогда этого не делала.

Но Коля в этот вечер не заскочил. Перехватил шуршунчиков у кого-то еще, поближе...

Обычно спать Полина ложилась рано. В десять часов вечера ею овладевала опустошающая истома. Она брела в постель, как бредет пилигрим на богомолье. Только не читала Полина на сон грядущий молитв-берегинь.

Раззолоченный образ Николы Угодника Строгановского письма прилажен был в углу еще матерью. Ему мать перед смертью поручила заботу о нескладной своей доченьке. И необходимым в женском обиходе молитвам обучила мать. Обучить обучила, но регулярным для Полины этот обряд так и не стал.

Образ заботливого старца всегда был перед глазами Полины, даже при ночнике сиял в сумерках позолотой, мягко укоряя нестойкую в вере христианку. Никола всегда был готов исполнить просьбу матери, поспособствовать, похлопотать за ее дочь перед Всемогущим Владыкой неба и земли. Но не досаждала Полина святых просьбами о маленьких, но бесчисленных женских нуждах. Поклонялась же Полина своим живописным снам. Сны давали больше, чем молитва перед иконой Николы Угодника.

Постель для Каравайниковой была больше, чем ложе для ночного отдыха. Постель была больше чем награда за дневные труды. Постель была ее отдельным личным миром, где отмечены были правильные, полезные, но обезличенные законы окружающей реальности. То были Законы общего пользования, заболтанные до бездушия, безжалостные ко всему, что не вписывается в границы, очерченных ими стереотипов.

Ах, сны! Без них не выжить "не настоящей" женщине. Во снах царили домашние Законы, личные законы Тихой Радости и Высокой Гармонии. Ничто во снах не напоминало о фригидной ее ущербности. Сюда не проникала Грязь половых отношений. Здесь не властвовали мужчины, поголовно помешанные на сексе. Только здесь Полина была сама собой, настоящей.

Но самое главное – Постель была тихой заводью, благодатным метафизическим нерестилищем и колыбелью. Многоцветные сновидения плодились здесь и произрастали без мук и страданий, легко и приятно, не то, что в реальности. Жизнь этих чудных эфемеров была недолгой, от нескольких минут до часа. Но радостью Сновидения были насыщены так богато, что восполняли вечную нехватку радости лучше, чем даже самые любимые праздники наяву. Тот же Новый год и День рождения. Во снах Полина жила своей собственной жизнью и только для себя. Человеческому телу Каравайниковой дано было воображение птицы. И летала Полина ночами, бестелесная, ласточкой над цветущими лугами пока хрустящий шестеренками будильник не прерывал счастливый бреющий полет.

Да и сами сны были не просто непознанными наукой ночными причудами мозга. Сны были для Полины второй, виденческой формой существования. Более желанной, даже более достоверной, чем первая, чем жизнь в реальности. Сны – это единственное, чего человека невозможно лишить. Припрятанные денежки, жену, работу, самое жизнь – все, все можно отнять, а сны – были, есть будут с человеком навечно. Потому что здесь она жила чище, благороднее, здесь легче было чувствовать солидарность с остальными женщинами, чувствовать их своими сестрами. Здесь никто не тыкал ей в глаза, что она "неправильная". По этой же причине жизнь правильных женщин, агрессивно озабоченных вечной погоней за исполнением своих через чур прихотливых желаний, Полине казалась куда менее полной, менее содержательной. Для Полины феерические Сны исполняли самое неисполнимое для "правильных" сестер желание, желание счастья. Чего лишены были "правильные" сестры. А форма, в которой исполнялось счастье, мистическая или реалистическая, для культурного человека – значения не имела.

Вот если бы еще не бессонница. Эта пожирательница снов была мстью реальности. Увы, хорошего понемножку.

Полина погасила ночник. Но от дворовых неоновых фонарей в спальне стало еще светлее. Робкий Сон маялся где-то близко, у самого виска. Бессонница и его замордовала. Бедняжка.

Полина посмотрела на стрелки будильника. Этот пижон только с виду казался безучастным. О, пресвятая мать Орина! Будильник был самым ревностным клеветником бессонницы. Он замедлял ход ночного времени. Он как живодер жилы, медлительно вытягивал из сумерек минуты, до невозможности удлиняя их, словно в стрелках было по пуду веса.

Полина перевернулась на спину и стала думать о своей душе. Действительно душенька-голубушка вела себя как привередливая квартирантка. И уйти не могла, и посочувствовать "арендодателю" не хотела. Она была слишком стерильна, чтобы ужиться с человеческой реальностью. Душа кичилась своим виденческим происхождением. Приживалка эта мнила себя посланницей небес и вела себя как брюзгливый ревизор. И чего выделяется. Рожденная человеческим воображением душенька на удивление неблагодарна. Вечно она толкает на идеалистические авантюры, а как настает время расхлебываться, она мигом самоустранилась, как будто она тут ни при чем.

Мысли Полины, довольно скоро, от несостоявшегося визита Николая перепорхнули к Фаддею Капитоновичу. Это означало, что Полина стала понемногу проявлять интерес к существованию рядом с нею, женщиной, существом высшего порядка, прямоходящих существ иного пола. Больше того, для своих исследований Каравайникова стала выделять из толпы особей мужеского рода одну конкретную особь. Фаддей Капитоновича, незадачливого заклинателя ее жгучей ненависти.

Какая неожиданность, однако. Каравайникова стала испытывать, пока еще смутную, потребность в препирательствах с экстрасенсом. Он пытался повелевать ее мыслями, и в этом повелевании была какая-то заманчивая магия. Нет, в самом деле, ежели под чужим руководством тебе будет лучше, почему не подчиниться? Зачем тебе свобода и самостоятельность, если с ними тебе плохо?

"Неужели я тоже стала нуждаться в повелителе? – Своенравно вспыхнула Полина. – Вот это номер! Я нуждаюсь в сильном повелителе!? Как всякая нормальная женщина!? Нормально страдающая от трусливой нерешительности, когда нужно принять жесткое решение и приступить к его исполнению? Да не может быть! Кому я нужна со своей покорностью? Смех, да и только".

Оказывается, она совершенно не знает мужчин – "как мужчин". В половом смысле это большое белое пятно на живописной картине бесполой для нее окружающей жизни. К чему бы ни прикасались Мужчины, всему они обязательно придавали ярко выраженный сексуальный колорит. Это же надо! Сами помешаны на сексе и женщин вовлекают в этот вечный круговорот чувств в природе. Навязывают нам эмансипацию, а потом, чуть что, обзывают шлюхами.

А в институте!? Наши самцы и в академической науке проявляют свой похотливый нрав. Уж до чего платоническая, отвлеченная наука лингвистика! Казалось бы, она кого угодно заживо засушит своим педантизмом написания той же безударной гласной в корне слова. Так эти несчастные – нет! Толкует тебе какой-нибудь кандидат наук о происхождении какого-нибудь синонима, а сам так и пасется у тебя в запазухе. А стоит повернуться к нему попой, так сквозь сукно даже чувствуешь, как ползает по твоим ягодицам его блудливый взгляд. Обезьян, а не ученых!

Как это отвратительно! Словно для другого женщина не годится. Будь ты хоть семи пядей во лбу, говори ты хоть самые гениальные речи, а твой оппонент даже на ученом совете все равно думает об одном, темпераментна или холодна ты в постели. И совсем нелепо чувствуешь себя, когда понимаешь умом, что чем талантливее мужик, тем он сексапильнее.

Собственный опыт у фригидной девственницы, понятно, не великий, но, как рассказывают нормальные женщины, ну, не могут мужчины иначе. Эти рабы собственной чувственности, даже к выдающейся Красоте материальных вещей относятся потребительски, без священного трепета в сердце.

О! Стоит, стоит понаблюдать за мужчинами на выставках, да в том же в Цветаевском музее. Взять хотя бы египетскую мумию в золотых украшениях. В глазах у зрителя-мужчины, считающего себя ценителем, появляется противная влага. Умора, у него учащается дыхание! Вот тут его сердце трепещет. Мумия сохраняет женскую магию и подчиняет себе страсти мужика даже через тысячу лет. Бедолажка потеет, как будто он объясняется в любви не красоте художественных ценностей, а спеленатой мумии! Безумец, он требует ответного чувства.

А если перед мужиком молодая, красивая женщина – "завал", да и только. Ну не могут особи сильного пола относиться к женщине бескорыстно, как к прекрасному явлению природы, созданному Всевышним для украшения жизни. Им не понять, что это слишком редкое явление. Где там! Им все нужно полапать... Попробуй, объясни им, что женщина символ, светоч Земной Красоты! Да, да! Светоч! И дарован он Небесами для созерцания гармонии выпуклостей и впадин изящной женской фигуры, для платонического любования Земной Красотой.

Увы, если уж не дано свыше, то не дано. Мужчина Даже Светочу Красоты придает эротический смысл. Ему бы только переспать с красивой женщиной, только бы сделать ее своей наложницей. Ах, какие они эгоисты! Какая эстетическая убогость! Словно, женщина не человек, а бесчувственная машина сладострастия.

Как ни печально, но Секс, оказывается, действительно является главной краской на палитре мужчины, а уж он постарался, чтобы и на палитре бытия чувственность человека была самой расхожей краской.

О! Половой интерес – это Демон всех человеческих страстей. И нужно быть упорливым дальтоником, чтобы так долго не видеть, что главный цвет жизни не зеленый, как утверждает Гринпис, а – ярко красный. Пунцовый! Цвета любовной страсти, цвета крови. И если тебя угнетает красный цвет страсти, – то это объясняет, по какой причине с тобой, девушка, не все в порядке.

Заскулил под дверью спальни Тотька. Как часы этот паршивец. Шесть пятнадцать. Тотьке пора на прогулку.

– Сегодня ты гуляешь без меня. – Проворчала устало Полина.

Не надевая халат, она выпустила пса на лестничную площадку. Кот уже сидел возле нержавеющей патентованной миски, вылизанной до блеска. Чего греха таить, Полина любила в институте прихвастнуть гурманскими замашками своих домочадцев. Они у нее не ели ничего заграничного, даже Вискас и Педигри, ничего мороженого. Все с рынка. Парное мясо, живую рыбку. А все остальное у домочадцев было патентованным и заграничным. От ошейника Тотьки до шерстяной попонки для кота. Правда, он эту попонку презирал.

Судачили на эту тему в основном семейные дамы-собашницы. Дамы-кошатницы, вот пример печальной закономерности, были, как одна, разведенками и молчуньями. Собашниц они сторонились. Почему? И клубы у них разные и характеры. Не понятно.

Если заходила речь о домашних собаках, тут эмоции выплескивали через край. Если другие дамы хватались чистотой кровей своих питомцев, числом заработанных на выставках медалей, ценой случки, то Полина похвлялась прожорливостью своих метисов. А как же! Аппетит признак отменного здоровья. Ни кот, ни пес никогда не поносили, не хандрили, всегда были прожорливы и лоснились, как будто их покрыли лаком для волос. Понятно, не знали ограничения в прогулках. А этим не многие собашницы могли похвалиться. Их больше заботил контролируемый собачий секс, основа доходов сообщниц.

Поводив Тотьку, Полина снова нырнула в постель. Простыня успела остыть, по животу, по внутренней стороне сухощавых бедер проскочил озноб. Ни с того, ни с сего пришло желание прогулять денек. К черту этот институт. Все равно башка ни черта не варит. А там, глядишь, и вовсе отпадет нужда вставать по будильнику. Придется покидать тюремную койку по звонку. Если ублюдок все-таки подвернется под горячую руку. Повременил бы он пока с охотой на женщин... Вот опять грублю. Господи, не думала, что во мне столько грязных слов...

"А ведь этот с... субъект – тоже мужчина. – Спокойно подумала Полина. – Что в нем такого? Странно. Обыкновенный. Ничего примечательного. Отличается лишь тем, что мозгами его управляет Демон сладострастия, а нормальный мужик своим умом живет. Ничем, Казалось бы, думаю о мужчинах "вообще", а, выходит, думаю только о нем. Не Он растворился в толпе мужиков, а все они растворились в Нем. Вот это новость! Сильный пол я начинаю постигать не с лучшей стороны, не на лучших примерах. Подонка я знаю лучше всех других мужчин вместе взятых".

Каравайникова сознавала, что Мир мужского сообщества знала лишь с внешней, казальной стороны. И это ее вполне устраивало. До поры, до времени. Мир этот не отличается эстетической глубиной. Скорее он плоский, в культурном смысле примитивный, одноцветный, мир насилия.

Боже мой, не слишком ли часто я стала думать о мужиках. Зачем прибавлять своей жизни разочарования и скорби от лишнего знания.

Да, в неглубоких недрах мужского сообщества происходят вулканические процессы. Дурной силы – хоть отбавляй. Это могло бы гораздо раньше вызвать у меня прилив чисто интеллектуальной любознательности, если бы эти "мужские" процессы имели творческое направление. Никак нет, бурлят в том вулкане любовные страсти. Женщины и только женщины подогревают кровь меньшей половины человечества. Обладать как можно большим числом особ прекрасного пола – вот все чем озабочен мир мужчин, этих пожирателей красоты. Что в этом

поучительного для неглупой женщины? Нет, кое-какие их повадки нам знакомы по рассказам обабившихся женщин-сослуживцев, но внутренний механизм мужских побуждений такой незатейливый, что просто не интересен.

Теперь Полина меньше опасалась вдумываться в смрадную половину быта мужиков. Жизнь заставляла лучше узнать мужскую натуру. Она была просто безграмотна в обращении с мужиками более глубокими, чем служебные. Уже первый опыт преследования врага показал: без этих знаний добраться до Негодяя и прикончить его будет проблематично. Внутренние движущие силы мужчины потому кажутся примитивными, что она не удостоила достаточного внимания тайные пружинки этих живых механизмов. Но если почувствовать чем дышит мужик, понять ход его мыслей, логику поступков, тогда появится шанс вычислить зону охоты мерзавца, ах, ты, боже мой, врага, врага, в самое ближайшее время.

Боже ж ты мой! Что ж это будет!? Неужели поиски могут затянуться на недели, а может быть, и на месяцы? Выдержит ли сердце такую длительную гонку? Не окажется ли мера ненависти чрезмерной?

Во дворе зарывал первый мотор. Как ни странно, автомобилисты уезжали на работу раньше, чем остальной трудящийся люд, хотя были в транспортном смысле не обременены расписанием и передвигались быстрее общественного транспорта. Полина натянула одеяло на голову. Никто не заставит ее сегодня пойти на работу. Разве что после обеда.

Зашаркал метлой дворник, молодой парень. Он напрочь смел с ресниц остатки благословенной утренней дремоты. В позапрошлом году такой вот молодой парнишка повесился в дворничкой. Милиция обнаружила у него в чемодане под кроватью кипу исписанных пачек амбарных бланков. Исписаны листы были с обеих сторон мелким убористым почерком от корки до корки. Никто не подумал, что это были романы... И этот новичок тоже, поди, в тайне кропает нечто завиральное.

Полина выбралась из теплой постели, чтобы взглянуть, нет ли чего общего в облике юного дворника, с обликом прошлогоднего самоубийцы. Она почувствовала, что теперь будет внимательно наблюдать за дворником, не повторит ли он судьбу прежнего непризнанного гения из дворничкой.

"Ох, эти мушкетеры! – Зевнула Полина. – Себе покоя не дают и других страдать заставляют. Какие-то они все слишком резкие, бесцеремонные. Понятно, они тоже люди, тоже человеки, но... Сплошное увы и ах!

Забавно, но и старая, и новая литература Каравайниковой казались более живой, более красивой, чем личности мужчин-писателей и поэтов, писавших эту литературу. Это же честолюбцы, маньяки воображения. Недаром они прячут своих жен, даже домашнее интервью дают, ни словом не обмолвившись о своей спутнице жизни. Стыдятся за их серость? А может быть, это жены стесняются своих знаменитых, но неказистых мужей? Эти Интеллектуальные Титаны до смешного не похожи на Прекрасного Принца Женской Мечты, навсегда завладевшего каждым женским сердцем. Ведь и я переболела этой бабской дурью. К счастью, в легкой форме. А может быть, эти Титаны еще и в любовном смысле не ахти? Оставляет ли писательская мания достаточно сил для утоления любимой женщины?

Наши пииты только о бабах и умеют хорошо писать. Не слишком ли в их крови женских гормонов? Живость и живописность их писаниям придают исключительно их похотливые чувства к женщине, сдобренные льстивым сиропчиком комплиментов. О чем бы еще могли писать мужчины, если бы не вдохновляющее присутствие на грешной, грубой, грязной Земле Милых дам. Таких изящных, поэтических созданий, милых чаровниц, фей мужских грез о Прекрасном, о Подлинной Красоте.

У Полины зачесалась правая бровь. Густая, не выщипанная по моде, изящно изогнутая бровь. Она покосилась на зеркало, и зеркало с готовностью подтвердило: Ты Красивая! Ты очень красивая!

"А что бы осталось от мой красоты, если бы ее облапали мужики? – Каравайникова кокетливо изогнула бровь и подмигнула своему отражению. Нет, нет, увольте, господа! Мой священный долг оставаться непорочной Весталкой Красоты. Вечной Весталкой Красоты. А не замученной семейным бытом утолительницей презренной мужской похоти. И надо еще посмотреть, кто более важен для эстетики я, девственная Невеста Бога или "нормальная" женщина, порабощенная мужчиной и своими материнскими инстинктами. Много ли радости в этой пресловутой "нормальности", если женщина так выматывается за день, что теряет всякий интерес даже к сексу. Ну, чем отличается такая женщина от меня, не познавшей нормального оргазма? Ну, чем!?"

Нет, нет и нет! Если на то пошло, сами мужики не способны творить произведения в полном смысле совершенные. Без женского руководства они – слабаки. Женщины – это пища их таланта. Мы даем мужчинам эстетические ориентиры в их поэтическом бреде. Женщина – кладезь вдохновения мужчин. Куда бы их завела поэтическая мания, если бы не путеводный образ Прекрасной Дамы, мреющий сквозь туманы и хляби заумных метафор. О, Господи!

Так-то, господа! Куда вы денетесь? А как перестали после 17 года боготворить Прекрасных Дам, так и полез в изящную словесность физиологический натурализм, жестокость, прелюбодеяния и мозглявая абстрактность. Но на сексе далеко не продвинешься, на поклонении Прекрасной Даме замешаны все современные сюжеты. Этот образ слишком прекрасен, чтобы олицетворять "нормальную" женщину. Это символ. А символом не должны повелевать низменные страсти. Разве я не больше подхожу на роль Символа? Не больше "нормальной" женщины, задержанной прозой жизни? Да эти бабы больше думают о любовных утехх с мужиками, чем о Красоте. Это же очевидно.

И с этим зеркало было согласно. Сейчас оно особенно мягко передавало черты прекрасного лица хозяйки своей. Тонкий, почти "римский" нос так изящно окрыляли тончайшие, чудно прорисованные, чуть ли не прозрачные ноздри. Они так трогательно напоминали хрупкие крылышки голубой бабочки. Да, да! Бабочки, собравшейся изящно взлететь на высокий лоб, на чистый, как лепестки ромашки, лоб. Бабочка собиралась полюбоваться этим благородным лбом, любовно вылепленном Создателем на радость человеческого глаза. Создатель не мог не постараться, создавая себе земную Невесту.

Впрочем, и наши дамы хороши. Идут на поводу у мужчин. Потакают их разнузданности. Верят им, когда половую распушенность мужчины трактуют как веяние эпохи демократии, открытости и равенства. Нет, какие мы, женщины, все-таки, дурочки. К эмансипации рвемся. Осмеиваем ханжество, а получается, что проповедуем половую вседозволенность, от которой сами страдаем в первую очередь.

Вот и допрыгались. Послестроительные авторы не способны написать ни одного правдивого романа о чистой, возвышенной любви юноши и девушки. А о беднягах поэтах и говорить нечего. Вместо того чтобы создавать Вечные, нетленные стихотворения, поэты унижают свое дарование, рифмуя для торгашей, для их бесчестной рекламы предметы интимного женского туалета и прочую дребедень. Эти хлюсты-бумагомайки способны лишь копировать в своих слащавых опусах прелестные женские образы из классических романов романтической поры. Но как они ни румянят своих современных эмансипированных героинь, от них, все равно, разит распушенностью и плебейством.

Слово эмансипация было для Полины – почти ругательным. Оно свидетельствовало об утрате женщинами главного качества их очарования – самостоятельности, гордой независимости, без которой не сохранить и женственности. Теперь дамы завоевывают свое "женское счастье" так оголтело, с такой коварной, улыбчивой агрессивностью, словно выступают на кор-

риде в качестве матадоров. Их не смущает кровь поверженных конкурентов. Для них жертвы любовного коварства – всего лишь быки, мясо. Фу, как это противно. Зачем оно нужно, такое грязное счастье.

"Я же вот не воюю за свое "женское счастье. Что дала мать-природа и на том спасибо". – Привела Полина зеркалу самый убедительный для нее довод.

– Я никому не изменяю, не отбиваю богатых мужей, не толкаю супругов на преступление ради того, чтобы осыпать себя брильянтами или, на худой конец, купить норковую шубу. Я не подсигаю коллег, чтобы хоть на ступеньку продвинуться по службе, не продаю свое тело боссу за прибавку жалования... И счастлива, черт меня побери! Счастлива! И счастье мое чистое, как постель девственницы".

Это была очень удачная мысль для начала дня.

"И начнем мы его с двойной чашки кофею". – Фыркнула Полина.

Полина повернулась перед зеркалом одним боком, другим, и, весьма собой довольная, прощально помахала услужливому отражению ручкой.

"Как же много я потеряла, мало общаясь через зеркало со своим прекрасным двойником... Вот уж он врать мне не будет".

Она решила еще немного побаловать себя нежным бездельем и нырнула в постель.

Выпрыгнула из теплой постели, босиком прошлепала на кухню. В ручную мельницу насыпала кофейных зерен сорта Арабика, и стала глубоко вдыхать распространившийся по кухне волнующий аромат кофе.

"Впрочем, чему тут удивляться. – Философски рассуждала Каравайникова, пригубивая обжигающий божественный напиток. Прежде всего – я женщина. С большой, между прочим, буквы. Если бы я не верила в это, где бы я сейчас была после того, что надо мной учинили. На дне Москвы-реки или болталась бы в петле на березе где-нибудь в Измайловском парке.

Да что там говорить! Даже милашка Пушкин не сумел показать миру всей прелести, всего многообразия женских чувств. Он подражал моде на бледные эфемерные создания, с их страстью к обморокам. Бедняжки верили, что слабость здоровья в глазах грубых мужчин свидетельствует об особой тонкости чувств, об особой поэтичности образа Прекрасной Дамы. Увы, Пушкину были неведомы глубины женского скрытного ума. Блеск его – блеск отполированной модой поверхности. Но сколько магии в этом блеске. Посмотрела бы я на его героинь, если окунуть их в помойку нашего быта. А я вот, хоть и унижена, хоть и брошена на колени, но – жива и не просто надеюсь снова стать с колен на ноги, я надеюсь своими руками покарать плохого человека. А на это не каждый мужчина способен.

Нет, все-таки, какие мы женщины молодцы. Есть в нас, есть неподдающаяся описанию тайная сила. Мы, вроде, и не лидеры в этом мире, но мир вертится вокруг нас, вглядывается нам в глаза, вслушивается в наши речи, старается угодить. Наша сила – магического свойства. Женщина – движущая сила цивилизации. А если взять наш сермяжный быт? Именно классические литературные образы прекрасных дам остаются единственным украшением серой, жестокой, безнравственной действительности, где царят законы мужской логики и животные их страсти. Жаль, нет спроса на женский своеобразный ум. Ревнуют мужчины, ревнуют...

Вот Чехов Антон Павлович, вот это совсем другое. Чехов хоть и позволял себе говаривать в том смысле, что бабы – дуры, но это всего лишь, дань моде того времени.

А Фаддей Капитонович... Да, Фаддей Капитонович... Он хоть и слабовольный мужчина, но более открытый и понятный чем другие. Послушаешь его жалобы, поразмыслишь о его безответной любви к легкомысленной Клариске и начинаешь кое-что понимать. Начинаешь немного чувствовать, что эти мужчины не какие-то чужеродные существа, не совсем примитивные и грубые, похотливые монстры, но, кое в чем, пожалуй, даже потоньше, поосновательнее женщин.

Чудак этот ясновидец Фаддей. Имя и то чудное. Видит Кларку насквозь, но попался "как кур во щи". Ну что он такого нашел в Клариске? Ну, с чего тут беситься? Эта взбалмошная материалистка только и заботится о своих удобствах в жизни. Эксплуатирует своих несчастных любовников только так, а в постель ложится, как одолжение делает. Или платит натурой за услуги.

И, в тоже время, эта Кларисска ни дня прожить не может без мужика. Бред какой-то! Уж какие-такие особые ласки ей оказывают мужчины? Да после тюрьмы в ней нежности женской не осталось ни капли. Как не понимают этого ее хахали. Пустая, красивая сладкоежка, а на нее мужики бросаются как мухи на варенье. И не глупые мужики...

А бабы? А бабы завидуют Клариске. Называют "настоящей женщиной". "Настоящая" потому, что ей достаются красавцы. Нет, бабы, действительно ненормальные какие-то, иногда. Живут с мужьями, а мечтают о смазливых, избалованных женщинами красавцах. И, правда – мозги куриные...

Назавтра, после работы, усталая Полина еще раз наведлась на 16-ю Парковую улицу. На этот раз место преступления выглядело не зловещим, но жалким. Она уже смелее заглянула в "тот самый" подвал

Дверь по-прежнему была не заперта. За дверью, в трех шагах, была все такая же темнота. Полина съежилась, но тут же взяла себя в руки и стала произносить импровизированные заклинания. Молодец. Девушка! Вперед, умница моя! Не так уж темнота и опасна. У нее только цвет мрачный. А сама она безвредная. Я тоже могу здесь спрятаться, и тогда роли наши поменяются. Посмотрим, каково будет маньяку, когда он почувствует, что началась охота на него самого. Посмотрим, как он завибрирует.

Однако осторожность не помешает. Без спичек или фонарика соваться в эту тихую преисподнюю не стоило. Но Полина вошла в подвал и простояла пару минуток, держась рукой за гремучее сердце. И первый экзамен на храбрость был с грехом пополам выдержан.

На этот раз Каравайникова была более деловитой. Она обстоятельно покружила по прилегающим улицам и дворам, прикидывая, как мог придти сюда объект возмездия и как ретировался после совершения очередного преступления. Где мог негодяй устраивать засады, откуда выслеживать очередную жертву.

Условия для охоты на женщин в старых тесных кварталах были отличными. Ох уж эти зажатые кирпичными пятиэтажками захламленные дворики... А как зловеще выглядят вкривь и вкось натканные облезлые панельные корпуса с бесчисленными углами, неожиданными поворотами и тупиками. А бесхозные незапертые подвалы с изолированным входом-выходом. Эта бестолковщина прямо-таки искушали на преступление, обещая безнаказанность.

Пространство для маневра негодяя было слишком велико, чтобы обольщаться скорым успехом. Оставалось надеяться лишь на счастливую случайность. Не может, ну не может, гад, хоть раз не вернуться в подвал. Воспоминания слишком острые, чтобы не потянуть маньяка на место своего преступления. Такова природа этих чудовищ. Это зомби своей губительной страсти к насилию. Да маньяк просто запрограммирован возвращаться в исходную точку преступления, если основное его наслаждение в том, чтобы утолять похоть именно неестественным, преступным, именно силовым способом.

Обнаружены были Каравайниковой еще три подвала, пригодных для грязных дел. И эти филиалы Ада на земле, по небрежению жилищной конторы, вполне могли служить убежищем для развратных действий маньяка. Подвалы эти Полина взяла на особый учет и решила начинать последующие обходы именно с них.

На этот раз Каравайникова была уже совершенно уверена, что стала не случайной, но очередной жертвой маньяка. Чутье уверенно твердило, что и район этот был не случайным в выборе маньяка. Так хотелось верить, что именно где-то здесь его постоянные охотничьи угодья и, возможно, не первый год он тут промышляет.

Никаких объективных данных для такой уверенности у Полины не было. При серьезном анализе обстановки, можно было с не меньшим успехом доказать и обратное, полную ошибочность "сыскного чутья" очумевшей от горя женщины. Полина, естественно, не догадывалась, что ее спонтанная уверенность объяснялась полным отсутствием криминального и сыскного опыта. Именно поэтому каждое маломальское сомнение в своей правоте ею немедленно отменялись. Она уже привыкла к району, где подверглась нападению маньяка, ей было удобно считать этот район охотничьими угодьями маньяка. Ей вполне хватало правдоподобия ее уверенности. Ей важнее было вдохновение, возбуждаемое уверенностью, чем истинность собственных убеждений насчет привычек маньяка. Очень хотелось верить, и уверенность, что она на правильном пути к Полине пришла. А вместе с ней и прилив сил пришел. Вперед, девушка!

В процессе рекогносцировки Каравайникова набрела на промтоварный магазинчик. Весьма кстати. Ведь она тоже была теперь охотником. Было положено начало экипировки для охоты на мерзавца. Полина купила маленький пластмассовый фонарик. Такой не выдает своего присутствия в рукаве преследователя.

Пуживав в компании с Тотькой и Тришкой, Полина посмотрела по телевизору в программе Вести последние новости. Чуть не через слово и ведущий, и персоны из репортажей повторяли: в наше трудное время, в наше нелегкое время... Какая чушь! Эти паникеры просто не умеют поставить перед собой реальную, вдохновляющую цель и мобилизоваться для ее достижения.

Взять хотя бы ее частный случай. Вот когда она обрела уверенность в своих силах, в своих способностях выследить и наказать маньяка – жизнь сразу заиграла всеми своими мажорными красками. Прошло, ну, скажем, почти прошло уныние, разброд и шатание в ее мозгах и сердце. И снова захотелось жить дальше, жить и бороться за свое право на достойное существование в ладу с собой, в гармонии с окружающим миром.

"Что-то хочет возразить, господин скептик? Ну, это мы проходили еще в школе. Что может сказать "мудрость", рожденная трусостью? Что, я вас спрашиваю? Господи, ну, что? Что я фантазерка? Увлелась и переживаю всплеск эйфории? Нет, уважаемый зануда, я полностью контролирую себя. Согласна, еще возможны рецидивы отчаяния и трусости, но теперь я знаю, что им можно противопоставить. Стоит мне выйти на тропу войны, стоит лишь приблизиться к поганой двери, ведущей в ад унижения, – и конец колебаниям. Раз в жизни человек должен отбросить мещанскую иронию по поводу Высоких слов о Долге. Отбросить и послужить Высшей Ценности Нашей Цивилизации – Справедливости и пройти путь самоотречения, например, совершить Возмездие".

Из кипарисового, инкрустированного перламутром "шкапчика", как называл отец бар, единственную современную вещь в квартире, Полина достала бутылку номерного Краснодарского кагора. Со скромной этикеткой, но превосходным насыщенным вкусом.

Гулко охнула пробка из натурального пробкового дуба. Поваяло терпкой сладостью разгоряченного солнцем винограда. Полина зажмурилась и осторожно потянула носом. Пресвятая мать Орина! Какое блаженство.

Каравайникова набулькала чуток в большую хрустальную рюмку, полюбовалась игрой вина и света, и мелкими вкрадчивыми глоточками стала отпивать из рюмки багровое густое вино. Господи, какое блаженство, какое вдохновение. Истинное наслаждение дарами благодатной южной земли.

"Старо, скажет обыватель, подражание камикадзе? – Задиристо обрушилась Полина на своих воображаемых критиков. – Ну, так и обыватель в своей местечковой философии – не оригинален. Премудрый пескарь еще когда предостерег своих сограждан от героических поступков. Но на Руси отважные люди так и не перевелись. Я пью за отважных, кому честь важнее всего на свете".

Полина чокнулась с темно-зеленой, прямо-таки изумрудной бутылкой и покосилась краем глаза в зеркало серванта. Она была хороша необыкновенно. На бледном, обострившемся лице загоралась заря девического румянца. Как она была хороша в своем безрассудстве.

По спине пробежала волна горячей дрожи. Пробежала и рассыпалась где-то в затылке. Вино удалило в голову. Отражение в зеркале чуть качнулось.

"Вот вам, пожалуйста, и землетрясение началось", – ахнула Полина. – Боже, как мне хорошо. И почему я раньше не вспомнила о кагоре. У меня же его целая бутылка. Страдаю, страдаю, а исцеление вот оно, рядом".

Полина налила себе еще, побольше и села в кресло.

– И эта дура, еще вчера мумукала о самоубийстве! – С вызовом бросила Полина своему отражению в зеркале. – Не выйдет, господа!

Увы, вино второй рюмки оказалось попроще и покрепче. Полина выпила его с трудом и... протрезвела.

Выключив нудный "ящик", Полина полюбовалась флаконом нового французского крема Синержи. Купила она его сегодня, мимоходом. А свежих булочек захватить забыла. А ведь сделала порядочный крюк, чтобы попасть в хороший парфюмерный магазин.

Старательно прочитала, а идеальная память запомнила навечно инструкцию по применению этого модного крема от морщин. Сделала ночную маску, и пошла в ванную, обмыть перед сном ноги и груди.

Последнее время она вынуждена была уделять своим грудям повышенное внимание. Они всегда были нежно-розовые, как молочные поросятки, по определению Клариссы. Еще тугие и хорошего размера, такие всегда благополучные, теперь груди выглядели жалкими. Они распухли. Правда, их не били, умышленно не терзали, но что толку. Одиннадцать засосов, шесть со следами зубов, наиболее зримо выражали меру пережитых ею унижений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.